

ТАТСКИЙ ЯЗЫК

ВВЕДЕНИЕ

Татский язык — язык небольшой ираноязычной народности на Кавказе, расселенной отдельными островками в следующих местах: на Апшеронском полуострове (в пос. Балаханы, Сураханы и нескольких мелких населенных пунктах), в северо-восточном Азербайджане (г. Варташен, сел. Лахидж, Матраса, Конахкент, Афруджа, Чичи, Гендаб, Дагкушчу, частично также в городах Куба, Давичи, Сиазань и пос. Килязи), в ряде сел Дагестанской АССР, частично в городах Дербент, Махачкала, Буйнакск, Кизляр, Хасавьюрт, а также в городах Нальчик (Кабардино-Балкарская АССР), Моздок (Северо-Осетинская АССР), Грозный (Чечено-Ингушская АССР). Согласно данным переписи 1970 г., татов насчитывается всего около 17 тыс. чел. [Население СССР 1974, 87]. Эти данные, однако, следует считать в несколько раз преуменьшенными, так как подавляющее большинство татов, живущих в Азербайджане, считает себя азербайджанцами, а азербайджанский язык наряду с татским — своим родным.

По вероисповеданию таты делились ранее на две основные группы: таты-иудеи (большинство дагестанских и северокавказских, в Азербайджане — варташенские и кубинские) и таты-мусульмане (апшеронские и североазербайджанские). Это разделение является в то же время языковым: каждая из групп говорит на своем диалекте, причем между диалектами существуют значительные различия, исключающие полное взаимопонимание между их носителями. По языковому признаку к татам-мусульманам примыкает также небольшое количество татов-христиан (армяно-татов), населяющих сел. Матраса и Кильвар в северо-восточном Азербайджане. В настоящей работе для диалекта татов-иудеев принят термин «северный диалект» (сев.), для диалекта татов-мусульман и христиан — термин «южный диалект» (южн.).

Южный диалект раздроблен на значительное количество говоров. Каждые две—три деревни имеют свой говор, отличие которого от соседних хорошо осознается говорящими. Для определения границ между группами говоров первостепенное значение имеет учет старых религиозных различий: существует значительная разница между суннитскими и шиитскими говорами [Грюнберг 1963₁, 7—8 и карта].

Точными сведениями о говорном членении северного диалекта мы не располагаем; известно, однако, что существуют значительные отличия между говором Кубы и прочими; внутри прочих говоров наблюдаются определенные различия между дагестанскими и другими северо-кавказскими говорами.

Достаточно достоверных сведений об истории татов, в частности об обстоятельствах их появления в местах нынешнего расселения не имеется. Вместе с тем весьма вероятным кажется предположение о том, что таты-мусульмане ведут свое происхождение от персидских гарнизонов, создававшихся на границах империи при последних Сасанидах в период войн персов с хазарами за обладание Дербентом [Minorsky 1934; Миллер Вс. 1892₁, XVIII]. Что касается предков носителей северного диалекта, то предположение Миллера об их происхождении от евреев, переселившихся на Кавказ не позднее VII в. [Миллер Вс. 1892₁, I—XVIII], является спорным, так как есть немало исторических и языковых свидетельств того, что эта группа татов также автохтонна, а иудейская религия проникла к ним в относительно позднее время.

Термин «тат» в основе своей не является этническим; этим термином тюрки-кочевники обозначали оседлых земледельцев, преимущественно иранцев. Этим объясняется тот факт, что термин «тат» выступает как название или самоназвание различных этнических групп на обширном пространстве от Крыма до Средней Азии [Миллер Вс. 1892₁, XVIII; Minorsky 1934; Люшкевич 1971]. Для носителей южного диалекта термин «тат», однако, является самоназванием с достаточно отдаленного времени; для говорящих на северном диалекте употребление этого термина, как названия и самоназвания, распространилось в относительно недавнее время, в основном после революции, вытеснив термины «городской еврей», «даг чуфут» [Миллер Вс. 1892₁, I], «джухур». Родной язык носителями обоих диалектов в настоящее время обозначается термином «тати».

Татский язык принадлежит к юго-западной группе иранских языков и по своему грамматическому строю и лексическому составу близок к языкам персидскому и таджикскому [Грюнберг 1961₂, 107—108]. При этом грамматическая структура северного диалекта сохраняет некоторые черты, утраченные современным персидским, и представляется в целом более архаичной. Лексические отличия еврейского диалекта от персидского также в целом представляются большими, чем у мусульманских говоров (отчасти в связи с наличием значительного пласта заимствований из древнееврейского).

Наиболее важной историко-фонетической особенностью татского языка по сравнению с персидским и таджикским является переход поствокального *d (<*t) > r: южн. gäsīgān, сев. gasīge 'достигать', ср. кл. перс. gasīdan; южн. āgnā, сев. oḡne 'пятница, неделя', ср. кл. перс. ādīna и т. п. В. Ф. Минорский [Minorsky 1934], основываясь на существовании ротацизма в татском, сближал татский с прикаспийскими языками. Однако ни в талышском,

ни в гиланском, ни в мазандеранском ротацизм не представляет собой широко распространенного явления. Что же касается ротацизма иранских заимствований в армянском (о чем также упоминает В. Ф. Минорский), то он имеет мало общего с татским ротацизмом: арм. г соответствует др.-ир. *d, татское же г < *t.

В татском языке во многих случаях сохраняется начальный *v, в таджикском и персидском перешедший в b: южн. vāg, сев. vog 'ветер', кл. перс. bād < *vāta-; южн. valg, сев. velg 'лист', кл. перс. bārg < *varka- и т. п. Прочие исторические соответствия татского консонантизма в целом таковы же, как в персидском, см. ниже.

Родство татского с персидским проявляется также в области словообразования и формообразования. Татские именные и глагольные словоизменительные суффиксы находят прямые материальные и функциональные соответствия в персидском; то же самое можно сказать и о большинстве незаимствованных словообразовательных суффиксов.

Глагольная система татского характеризуется наличием ряда вторичных личных и неспрягаемых форм; наличие этих аналитических по происхождению форм легко может быть понято, как позднейшее явление, возникшее в результате самостоятельного развития каждого из диалектов из юго-западной общности. О специфической для северного диалекта форме оптатива см. ниже.

Своеобразной структурно-морфологической чертой татского является препозитивная качественная определительная конструкция. Ее широкое распространение в татском можно приписать влиянию соседних прикаспийских языков, хотя в принципе такие конструкции были, по-видимому, не чужды и исходной юго-западной языковой общности. Структурной особенностью татского, которую он, впрочем, разделяет с некоторыми персидскими диалектами (например, сеистанскими), является также отсутствие местоименных суффиксов.

В целом на выделение татского языка из юго-западной языковой общности и формирование особенностей обоих его диалектов решающее влияние оказали следующие факторы.

1. Давняя изолированность от западноиранского языкового массива. Этим объясняется наличие в татском архаических явлений (например, сохранение начального v) и таких явлений, происхождение которых можно понять только при реконструкции более древнего состояния для персидского (ротацизм, качественная определительная конструкция). Тем самым подтверждается основанное на скудных исторических сведениях представление о татах, как о западных иранцах, мигрировавших из Ирана при последних Сасанидах [Minorsky 1934; Миллер Вв. 1892₁, XVIII].

2. Тюркское влияние, особенно для южного диалекта. Азербайджанско-татское двуязычие распространено здесь с давнего времени; азербайджанский язык оказывает сильнейшее влияние на фонетику, лексику и грамматику мусульманских татских говоров [Грюнберг 1961₁]. В северном диалекте это влияние

меньше, но зато ощущается известное влияние кумыкского (в Дагестане) и балкарского (в Нальчике) языков.

3. Возможно влияние соседних прикаспийских языков, сказавшееся, как уже было указано, на сохранении и широком распространении в татском языке препозитивной качественной определительной конструкции, а также в отдельных лексических заимствованиях.

4. Только для северного диалекта важным фактором оказалось влияние древнееврейского языка, проявившееся в значительном слое лексических заимствований (а также в большей, по сравнению с южным диалектом, распространенности верхнефарингальных согласных, см. раздел «Фонетика»).

Источником языкового материала по южному диалекту для настоящего очерка послужили работы А. Л. Грюнберга [Грюнберг 1961₂; 1963₁; 1963₂] и неопубликованные записи текстов, по северному диалекту — неопубликованная работа Л. Х. Давыдовой «Язык северокавказских татов», написанная на материале произведений татских писателей и зафиксированных ею фольклорных, бытовых и разговорных текстов, а также ее опубликованная работа по фонетике [Давыдова 1977].

В основу описания положены материалы южного диалекта, как более изученного до настоящего времени.

Южный диалект татского языка и примыкающие к нему армяно-татские говоры никогда не имели письменности. Носители северного диалекта пользовались своеобразной разновидностью еврейского курсива, называвшейся ими «багдадским письмом» [Миллер Вс. 1892₁, XXII—XXIV]. Эта письменность имела узкое распространение в сфере частной переписки. Каких-либо текстов, писанных «багдадским письмом» по-татски, до нас не дошло. Первые печатные тексты на северном диалекте с использованием квадратного шрифта появились в середине 20-х годов. С июня 1928 г. начал издаваться еженедельный орган «Захметкеш» («Грудящийся»). С июля 1925 г. один раздел в газете «Карахалк» (в г. Нальчике) печатается на татском языке. В 1928 г. в Дагестане, а в 1930 г. в Нальчике был введен новый алфавит на основе латинской графики. С этого же времени в Махачкале, Нальчике, а отчасти и в Москве начинает издаваться литература на татском языке, вводится преподавание родного языка в татских селах Дагестана и в г. Нальчике (в одной школе). С 1938 г. и до сего времени таты Дагестана и Нальчика используют русский алфавит с дополнительными знаками (см. ниже).

Количество литературы, изданной на татском языке в Дагестане и Нальчике, довольно велико. Это переводы произведений русских писателей, татский фольклор, оригинальные произведения татских писателей и поэтов (Д. Атилов, М. Бахшиев, Ю. Семенов, Х. Авшалумов, Х. Алхасов, К. Гилядов и др.), а также политические, сельскохозяйственные, научно-просветительные брошюры, газета «Гьирмизине гелем» («Красное знамя»). Создано несколько школьных учебников по татскому языку

(К. Гилядов, Б. Гаврилов и др.) и грамматика И. А. Анисимова [Anisimov 1932]. В Дагестане ежегодно издается альманах «Ватан Советиму» («Советская родина»), выходят сборники «Сесгьой жовонгьо» («Голоса молодых»), «Нуьвуьстегоргьой тати» («Татские писатели»). В 1963 г. в Махачкале вышел в свет первый роман на татском языке «Хушегьой онгур» («Гроздья винограда») М. Бакшиева.

В 30-х годах в Баку было издано также несколько книг на поддиалекте кубинских (г. Куба) татов¹; в школе, однако, преподавание татского языка не было введено, поэтому письменность у местных татов не закрепились.

В настоящем очерке примеры из южного диалекта даются в общепринятой транскрипции [Соколова 1953, 4—5, 123, 136; Грюнберг 1963₁, 8]. Чтобы облегчить читателю сравнение материалов по обоим говорам, в транскрипции даны также примеры из северного диалекта. О соответствии знаков транскрипции знакам алфавита см. ниже.

Поскольку в основе литературного татского лежит один из юго-западных диалектов, весьма близких к тому, который зафиксирован средне-персидской письменностью, и для более раннего времени нет оснований говорить об особой, отличной от среднеперсидской системы соответствий татского древнеиранскому, в исторических частях настоящего очерка в целях экономии места обычно не дается возведений к древнеиранскому прототипу. Татские слова либо сопоставляются с соответствующими персидскими (классического периода), либо приводятся гипотетические праформы, общие для татского и персидского; последние, как правило, совпадают с зарегистрированными в среднеперсидском. Персидские слова даются в транскрипции, принятой для транскрибирования ранненовоперсидских текстов (с пометой «кл. перс.»).

В силу сходства исторических соответствий татского и персидского как в вокализме, так и в консонантизме персидские и татские слова часто имеют сходный фонетический облик. В связи с этим оказывается невозможным отличить слово, унаследованное татским из юго-западной общности, от позднейшего персидского заимствования. В настоящем очерке все такие фонетически сходные с персидскими слова рассматриваются как исконные.

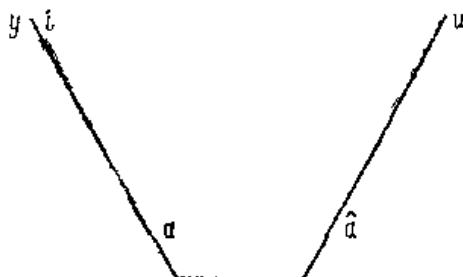
¹ Магарик, Хаймович. Таза школа (Букварь). Баку, 1921; Бен-Герариев. Гюль Дагы (Букварь). Баку, 1927; Лазарев Л. Букварь на татском языке. Баку, 1934.

ФОНЕТИКА

ВОКАЛИЗМ

Вокализм южного диалекта, как и всякого языка, бытующего в условиях интенсивного двуязычия, является гетерогенной системой, включающей в себя две взаимосвязанных и взаимообуславливающих подсистемы — подсистему исконных слов (включая старые заимствования) и подсистему заимствованных слов [Грюнберг 1972, 398].

Вокализм ударного слога в собственно татских словах представлен следующей схемой [Соколова 1953, 124; Грюнберг 1963₁, 9]:

i — гласный переднего ряда, от верхнего до 5-го подъема: *nim* 'половина', *nfstü* 'нет', *injä* 'здесь', *sib* 'яблоко'.

ÿ — гласный переднего ряда, от верхнего до 5-го подъема, огубленный: *kÿš* 'убей', *bÿzlä* 'коза', *dÿzd* 'вор', *rÿšt* 'спина'.

u — гласный заднего ряда, от верхнего до 5-го подъема: *guz* 'день', *xup* 'кровь', *muu* 'волосы', *gušt* 'мясо'.

ä — гласный переднего ряда, от 2 до 1-го подъема: *zän* 'жена', *xät* 'осел', *zärd* 'желтый'.

â — гласный заднего до смешанного ряда, от 1 до 2-го подъема². В соседстве с губными перед *y* и глухими спирантами имеет сильно огубленные варианты: *mâu* [mœu] 'мать', *kâšt* [kœšt] 'он посеял'.

Долгота в южнотатском вокализме нефонологична. Длительность гласного зависит от наличия ударения и от согласного окружения; последнее особенно сильно сказывается в безударных слогах. Эти факторы по-разному влияют на различные гласные, в соответствии с чем можно выделить три категории гласных [Грюнберг 1963₁, 12—13].

1. Гласные *i*, *ÿ*, в несколько меньшей степени *u* способны к сильному сокращению в безударных слогах, вплоть до потери качественной определенности и полной редукции; в связи с этим противоположение *i/ÿ*, отчасти также *i/ÿ/u* в безударных слогах ослаблено или полностью нейтрализовано. Вместе с тем эти глас-

² Нами употребляется при обозначении этого гласного надстрочный знак^А с тем, чтобы отличить его от «нейтрального» *a* южного и северного диалектов (см. ниже).

ные ни в одном фонетическом положении не способны к сильному растяжению.

2. Гласный *ä* не способен ни к сильному растяжению, ни к значительному сокращению.

3. Гласный *â* в невыгодных фонетических положениях не отличается по длительности от *ä*; в выгодных положениях (под ударением, в особенности перед *г*) способен к сильному растяжению.

Соотношение гласных татского языка в целом следует характеризовать как соотношение устойчивых (*ä, â*) и неустойчивых (*i, ü, u*). Следы исторического противоположения гласных по долготе можно видеть в способности гласного *â* (< **ā*) к сильному растяжению в выгодных фонетических положениях.

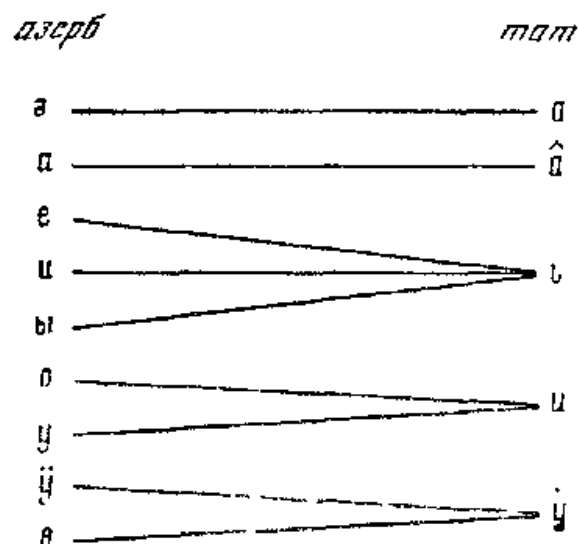
В южном диалекте принято выделять три нисходящих дифтонга: *ei, oɟ, øy* [Соколова 1953, 127—130]. Основанием для выделения этих дифтонгов служит отсутствие в татском вокализме *e, o, ø* как самостоятельных фонем.

В дифтонге *ei* первый элемент — закрытое *e*, второй элемент — неслоговое *i*: *qeɪ* 'почему', *seɪ* 'сель', *keɪk* 'блоха'.

В дифтонге *oɟ* первый элемент — открытое *o*, второй элемент — неслоговое *u*: *goɟ* 'вол', *soɟgän* 'тереть', *joɟgän* 'жевать'.

В дифтонге *øy* первый элемент — огубленный гласный переднего ряда от 3 до 4-го подъема, второй элемент — неслоговое *y*: *døy* 'беги', *øygü* 'вершина холма', *jøy* 'ячмень'.

Заемствованные из азербайджанского слова либо сохраняют исконный фонетический облик, либо адаптируются в соответствии с нижеследующей схемой, причем наличие и степень адаптации зависят от степени владения азербайджанским языком:

Влияние подсистемы заимствованных слов на подсистему исконных слов направлено на уподобление второй подсистемы первой; предпосылки для такого процесса лежат внутри подсистемы исконных слов (широкий качественный диапазон гласных), а направление определяется социально доминирующей ролью азербайджанского. Во всех мусульманских говорах можно констатировать

более или менее далеко зашедшую тенденцию к образованию новых фонем, общих с азербайджанскими: е, ө, о, а, ы.

Фонема е образуется из монофтонгизированного еј и закрытых вариантов фонемы ä [Соколова 1953, 127—128; Грюнберг 1963₁, 11].

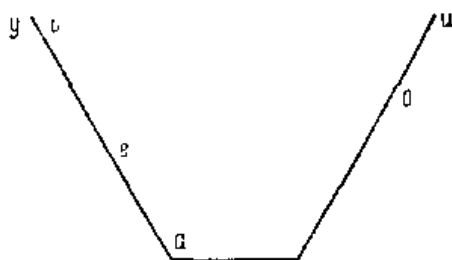
Фонема о возникает из монофтонгизированного оц и огубленных вариантов â; этот процесс зашел особенно далеко в говоре Балаханы, где в нем участвуют также открытые варианты в соседстве с увулярными и г [Соколова 1953, 131—132].

Фонема ө образуется из монофтонгизированного өў и открытых вариантов ў. Этот процесс также зашел особенно далеко в говорах Балаханы [Соколова 1953, 131—132].

Фонема а («нейтральная» неогубленная) возникает из открытых вариантов ä (в частности, в соседстве с сонорными) и неогубленных вариантов â [Грюнберг 1963₁, 10].

Фонема ы образуется из продвинутых назад вариантов і в ударном положении (преимущественно в соседстве с увулярными) и редуцированных вариантов і, ў, и в безударном положении.

Вокализм северного диалекта имеет отличия от вокализма южного диалекта как по количеству фонем, так и по характеру их реализации. Простые гласные фонемы северного диалекта представлены следующей схемой:

Так же, как в южном диалекте, в северном отсутствует фонологическая долгота гласных.

Гласные і, ў, и соответствуют в словах гласным і, ў, и южного диалекта и весьма сходны с ними артикуляционно: і 'этот', южн. in; pîr 'старый', южн. pîr; tÿ 'ты', южн. tÿ; 'ÿmÿg 'жизнь', южн. 'ÿmÿg; и 'он', южн. u; xip 'кровь', южн. xip.

Гласный е — переднего ряда, 3-го подъема. Соответствует южн. ä, но отличается от него большей закрытостью: ser 'голова', южн. säg; megd 'мужчина', южн. märd.

Гласный о — заднего ряда, 5-го подъема, соответствует южн. â: gof 'слово', южн. gâf; ombóg 'много', южн. âmbâg; xok 'земля', южн. xâk.

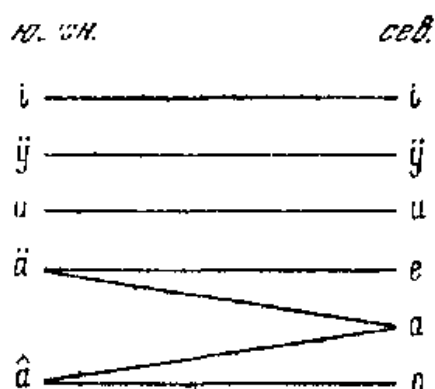
Гласный а — переднего ряда, 1-го подъема, продвинутый назад, неогубленный («нейтральное» а). В северном диалекте выступает как самостоятельная фонема; соответствует в иранских словах южн. ä и â, обычно в соседстве с сонорными, увулярными и фарингальными, а также s и z, в том числе в ряде слов, общих

с тюркскими языками; встречается в заимствованиях из тюркских и других языков. Является новообразованием северного диалекта, возникшим как результат ослабления противопоставления \hat{a} — \ddot{a} в части указанных фонетических положений (ср. тенденцию к образованию аналогичной формы в южном диалекте).

Сев. а, южн. \hat{a} : sal 'год', южн. sâl; rast 'правильный', южн. râst; duráz 'длинный', южн. duráz; saz caz, южн. sâz, азерб. caz и т. п.

Сев. а, южн. \ddot{a} : taħl 'горький', южн. tâħl; laqar 'худой', южн. lâqâr; çarx 'колесо', южн. çârḫ; saxt 'крепкий', южн. sâxt; taraf 'сторона', южн. târâf; baxš 'доля', южн. bâxš; ba'ali 'вишня', южн. bâ'âli и т. п.

В целом соответствие простых гласных фонем по диалектам может быть представлено следующей схемой:

В современной орфографии простые гласные северного диалекта обозначаются следующими знаками:

Транскр.	Орф.	Транскр.	Орф.
i	и	e	е
ÿ	уь	a	а
u	у	o	о

Истинных дифтонгов в северном диалекте нет. Дифтонгам ед. еÿ, оц южного диалекта соответствуют сочетания гласный + согласный: еу, еv, ов: сев. хипéу ти, южн. хипéц ти 'наш дом' сев. šev, южн. šeÿ 'ночь'; сев. gov, южн. goц 'вол'.

Явления гармонии гласных составляют особенность обоих диалектов татского вокализма, возникшую, по-видимому, под влиянием тюркских языков. Гласные ряда служебных морфем ассимилируются с гласными корня по огубленности или по ряду, причем в разных случаях может происходить либо замена фонем, либо замена вариантов фонем. Так, например, три варианта имеет глагольная формообразующая приставка южн. mi- (если в корне ä или i), mü- (если в корне ÿ), mu- (если в корне a или u); имеют два варианта глагольные окончания 1 л. ед. ч. (-ÿm / -um), 3 л. мн. ч. (-und / -ÿnd) [Грозберг 1963, 11], см. также ниже. Примеры гармонии гласных на фонемном уровне из северного диалекта: má-gas 'не трогай', me-degerd 'не ложись', mó-dux 'не

шей'; imi-šév 'сегодня вечером', imi-guz 'сегодня днем'; se 'три', sasád 'триста'; e pese 'сзади', o rušó 'вперед' а ахсá 'за деньги' (во всех трех случаях один и тот же предлог e/a/o, кл. перс. ба). Действие гармонии гласных испытывает во многих случаях и заимствованная лексика: minut 'минута', muzukánt 'музыкант', vokzól 'вокзал', Víktir 'Виктор', в протетических и эпентетических гласных: ugús 'русский', uškól 'школа', palán 'план', kulúb 'клуб', kurúg 'круг', kiníg 'книга', lítir 'литр'.

КОНСОНАНТИЗМ

В татском языке 24 согласных фонемы (см. табл. 11 [Соколова 1953, 136]).

По составу и реализации согласных фонем диалекты татского языка в целом почти не различаются. Специальных замечаний требует в этом смысле только соотношение глухих и звонких смычных и верхнефарингальных и ɣ.

В большинстве обследованных говоров южного диалекта (за исключением говоров Сураханы и Балаханы) смычные согласные

Таблица 11
Согласные фонемы татского языка

		Губные		Переднеязычные		Среднеязычные	Заднеязычные		Увулярные		Фарингальные		
		глухие	звонкие	глухие	звонкие	звонкие	звонкие	глухие	глухие	звонкие	Верхнефарингальные		нижнефарингальные
											глухие	звонкие	
Шумные	Смычные	простые аффрикаты		p	b	t	d	ʃ ↔ ʒ	k	q	(')		
	Щелевые	однофокусные двухфокусные		f	v	s	z	y		x	(h)		h
Сонанты		Носовые		m		n							
		Боковые				l							
		Дрожащие				r							

Примечания. 1. Стрелка указывает диапазон фонемы. 2. В скобки заключены фонемы, употребляемые факультативно или не во всех говорах.

в начале слова и после глухих в середине слова обычно неполнозвонки и противоплагаются друг другу по признаку сила / слабость + придыхательность / непридыхательность [Соколова 1953, 138]. После глухих щелевых *f, s, š, x* этимологические глухие, как правило, теряют придыхательность и ослабляются; поэтому в парах *ft, st, št, xt* во многих случаях второй элемент осознается говорящими как согласный звонкого ряда: *fd, sd, šd, xd* [Грюнберг 1963₁, 13—17]. Такое же соотношение фонологически глухих и звонких, возможно, имеет место или имело место в северном диалекте, по крайней мере, в части его говоров. Об этом свидетельствуют графические сочетания *вд, сд, шд, xd* на месте этимологических сочетаний *-ft-, -st-, -št-, -xt-*. В татском языке можно, таким образом, наблюдать, как живой, процесс, приведший в восточноиранских языках к *vd < *ft, γd < *xt*. Хотя такого рода соотношение смычных могло возникнуть и на иранской почве (как об этом косвенно свидетельствуют указанные переходы в восточноиранских языках), в его широком распространении в татском, вероятно, существенную роль сыграло влияние тюркских языков, для которых соотношение смычных по признаку сила / слабость является обычным [Щербак 1970, 88 и сл.].

Верхнефарингальные *ʕ* и *ħ* встречаются почти исключительно в заимствованных из арабского и древнееврейского (в северном диалекте) словах. В южном диалекте, особенно в речи молодого поколения, они неустойчивы: *ʕ* может исчезать, давая нуль звука, *ħ* во всех случаях допускает замену через *h* [Соколова 1953, 139]. В северном диалекте верхнефарингальные не проявляют в такой мере тенденции к вытеснению из языка. Айн в начале слова артикулируется регулярно и весьма отчетливо; в середине слова артикуляция может быть менее выраженной, напоминающей нижнефарингальный *ʕ* (хамзу), см. также ниже.

Вс. Ф. Миллер [Миллер 1892₁, 24, 25] отмечал наличие в фонетике северного диалекта эмфатических *t̤* и *d̤*; вероятно, их произношение было свойственно речи людей, знающих древнееврейский. В настоящее время эмфатических *t̤, d̤*, по-видимому, в татском нет; соответственно отсутствуют и знаки для их обозначения в современном алфавите.

Соотношение транскрипционных знаков и знаков орфографии для согласных в татском языке можно представить в следующем виде:

Орф.	Транскр.	Орф.	Транскр.	Орф.	Транскр.
а	a	и	i	уь	ü
б	b	к	k	ф	f
в	v	л	l	х	x
г	g	м	m	хь	h
гь	q	н	n	ч	č
гь	h	о	o	ш	š

Орф. Транскр. Орф. Транскр. Орф. Транскр.

ı	‘	п	р	э	е в начале слова
д	d	р	r		
е	e	с	s	ю	yu
ж	ž	т	t	я	ya
з	z	у	u	й	y

ИСТОРИЧЕСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ

Вокализм

Рассмотрим сначала регулярные линии соответствий, т. е. соответствия, не испытавшие на себе влияния позднейших внутрисистемных факторов (гармония гласных, воздействие подсистемы заимствованных слов, в том числе вторичных иранских заимствований из тюркского, стяжения). Эти первичные соответствия лучше прослеживаются на пятифонемной системе южного диалекта, чем в существенно перестроенной под влиянием упомянутых факторов шестифонемной системе северного. Поэтому сначала будет рассмотрен материал южного диалекта, а затем описаны предполагаемые пути перехода от пятифонемной системы к шестифонемной в северном диалекте.

Первоначальный ход исторического развития татского вокализма (от древнеиранского состояния) аналогичен персидскому и таджикскому. Поэтому во избежание повторений мы ограничимся сопоставлением татских гласных с гласными классического персидского языка, показывающего непосредственно предшествующую ступень развития (с восьмифонемным составом вокализма, с уже осуществившимся переходом др.-ир. $a_1, a_2 > \bar{e}$, $a_3, a_4 > \bar{o}$), подробно см. соответствующие страницы раздела «Персидский, таджикский, дари», где даны все древнеиранские и общеиранские соответствия.

Южн.-тат. \hat{a} — кл. перс. $\bar{a} <$ ир. $*\bar{a}$: $s\bar{a}l$ 'год', кл. перс. $s\bar{a}l$; $v\bar{a}t$ 'ветер', кл. перс. $b\bar{a}d$; $r\bar{a}ca$ 'нога' (с суффиксальным $-ca$); $x\bar{a}k$ 'земля', кл. перс. $x\bar{a}k$; $d\bar{a}r$ - през. осн. гл. 'иметь', кл. перс. $d\bar{a}r$ -; $m\bar{a}r$ 'змея', кл. перс. $m\bar{a}r$ и др.

Южн.-тат. \hat{a} — кл. перс. $a <$ ир. $*a$: $z\bar{a}n$ 'жена', кл. перс. $z\bar{a}n$; $g\bar{a}st$ - прет. осн. гл. 'вращаться', кл. перс. $g\bar{a}st$ -; $s\bar{a}r$ 'голова', кл. перс. $s\bar{a}r$; $d\bar{a}s$ 'рука', кл. перс. $d\bar{a}st$; $z\bar{a}rd$ 'темный', кл. перс. $z\bar{a}rd$ и др.

Южн.-тат. \hat{i} соответствует: 1) кл. перс. \bar{i} : $\bar{s}ir$ 'молоко', кл. перс. $\bar{s}ir$; $g\bar{i}r$ - през. осн. гл. 'брат', кл. перс. $g\bar{i}r$ -; $t\bar{i}r$ 'жердь', кл. перс. $t\bar{i}r$; $\bar{s}ir\bar{i}n$ 'сладкий', кл. перс. $\bar{s}ir\bar{i}n$; $d\bar{i}r$ - прет. осн. гл. 'видеть', кл. перс. $d\bar{i}d$ и др.; 2) кл. перс. \bar{e} : $z\bar{i}r$ 'низ', кл. перс. $z\bar{e}r$; $s\bar{i}b$ 'яблоко', кл. перс. $s\bar{e}b$; $r\bar{i}z$ през. осн. гл. 'литься' (для части говоров $r\bar{i}z$ - [Грюнберг 1963, 115]), кл. перс. $r\bar{e}z$ -; $v\bar{i}n$ - 'видеть', кл. перс. $b\bar{i}n$ - (с очень ранним переходом ср.-перс. $e >$

кл. перс. *i* в позиции перед носовыми); *šig* 'лев', кл. перс. *šēg* и др.

Южн.-тат. и также имеет две основные линии исторических соответствий: 1) южн.-тат. *u* — кл. перс. *ū* < ир. **u*: *dur* 'далекий', кл. перс. *dūr*; *xug* 'кабан', кл. перс. *xūk*, *xūg*; 2) южн.-тат. *u* — кл. перс. *ō* < ир. **au*, **ava*: *guz* 'день', кл. перс. *gōz*; *kuh* 'гора', кл. перс. *kōh*; *guu* 'лицо', кл. перс. *gōu* и др. Кроме того, следует отметить южн.-тат. *ā* — кл. перс. *ā* в позиции перед *n* (аналогично южн.-тадж. и некоторым персидским говорам): *xupa* 'дом', кл. перс. *xāpa*; *-un* — суффикс каузатива, кл. перс. *-ān*; *gund-* прет. осн. гл. 'гнать', кл. перс. *gānd-*.

Южн.-тат. *ü* соответствует: 1) кл. перс. *u*: *sūr* 'горячий', кл. перс. *surx* 'красный'; *dūzd* 'вор', кл. перс. *duzd*; *tünd* 'крепкий' (о чае и т. п.), кл. перс. *tund*; *gügd* 'круглый', кл. перс. *gurd*; *gül* 'цветок', кл. перс. *gul* и др.; 2) кл. перс. *i*: *dül*, кл. перс. *dī*; *mūs* 'медь', кл. перс. *mis*.

Регулярные соответствия простых гласных в южном диалекте представлены следующей схемой:

<i>южн тат</i>	<i>кл перс</i>	<i>др.-ир</i>
<i>â</i>	_____ <i>ā</i>	_____ <i>ā</i>
<i>ä</i>	_____ <i>a</i>	_____ <i>a</i>
<i>i</i>	_____ <i>ē</i>	_____ <i>aī</i>
	_____ <i>ī</i>	_____ <i>ī</i>
<i>u</i>	_____ <i>ō</i>	_____ <i>au</i>
	_____ <i>ū</i>	_____ <i>ū</i>
<i>ü</i>	_____ <i>u</i>	_____ <i>u</i>
	_____ <i>i</i>	_____ <i>i</i>

Нерегулярные соответствия возникают под влиянием вторичных факторов: ассимиляции, стяжения, а также под воздействием фонологической подсистемы заимствованных слов. Некоторые из таких соответствий пока представляются необъяснимыми.

Наиболее распространенные примеры нерегулярных вторичных соответствий приведены ниже.

Южн.-тат. *â* — кл. перс. *a* < **a* под влиянием гармонии гласных: *âmâr-* прет. осн. гл. 'приходить', кл. перс. *âmad-*; *âvârd-* прет. осн. гл. 'приносить', кл. перс. *âvard-*; *vâgâştan* 'возвращаться', кл. перс. *bâz gaştan* (кл. перс. *bâz* < ср.-перс. *vâz*) и т. п.

Южн.-тат. *â* — кл. перс. *a* < **a* в соседстве с *r*: *râft-* прет. осн. гл. 'уходить', кл. перс. *raft-* и др.

Южн.-тат. *â*, протетический гласный, под влиянием гласного основы: *âstâr-* прет. осн. гл. 'брат', кл. перс. *sitâd-*, *âftâr-* прет. осн. гл. 'падать', кл. перс. *uftâd-*.

Южн.-тат. *ä* — кл. перс. *ā* < **ā*: *säxt-* прет. осн. гл. 'делать',

кл. перс. *sāxt-*; *sāz-* през. осн. того же глагола, кл. перс. *sāz-*; *dār-* през. осн. гл. 'давать', кл. перс. *dād*.

Южн.-тат. *ū* < *aš- в слове *čūm* 'глаз', кл. перс. *čašm*.

Южн.-тат. *ū* < *ā под влиянием последующего *u* и регрессивной ассимиляции по ряду: *dūnyst-* прет. осн. гл. 'знать', кл. перс. *dānist-*.

Южн.-тат. *ū* < *a: *nūmūk* 'соль', кл. перс. *namak*.

Южн.-тат. *ū* — кл. перс. *ō* в словах: *dūš* 'плечо', кл. перс. *dōš*; *dūš-* през. осн. гл. 'доить', кл. перс. *dōš-*, возможно, это заимствование из какого-то диалекта, где *ō отражалось иначе, чем *u.

Южн.-тат. *i* < *u в прет. осн. гл. *bīg-* 'быть', кл. перс. *būd-* < *būta-.

Основные линии первичных исторических соответствий в северном диалекте для простых гласных *o*, *e*, *i*, *ū*, и соответственно те же, что в южном диалекте.

Сев.-тат. *o* — южн.-тат. *â*, кл. перс. *ā* < *ā: сев.-тат. *vog*, южн.-тат. *vâg*, кл. перс. *bād* 'ветер'; сев.-тат. *šog*, южн.-тат. *šâr*, кл. перс. *šād* 'радостный' и т. п.

Сев.-тат. *e* — южн.-тат. *ä*, кл. перс. *a* < *a: сев.-тат. *beste*, южн.-тат. *bästän*, кл. перс. *bastan* 'связывать'; сев.-тат. *keš*, южн.-тат. *käš-*, кл. перс. *kaš-* през. осн. гл. 'тянуть'; сев.-тат. *ser*, южн.-тат. *säg*, кл. перс. *sar* 'голова'.

Сев.-тат. *i* — южн.-тат. *i*, кл. перс. *ī* < *ī: сев.-тат. *sīg*, южн.-тат. *sīg*, кл. перс. *sīg* 'чеснок'; сев.-тат. *riḡ*, южн.-тат. *riḡ*, кл. перс. *riḡ* 'старый'; сев.-тат. *šīg*, южн.-тат. *šīg*, кл. перс. *šīg* 'молоко'.

Сев.-тат. *i* — южн.-тат. *i*, кл. перс. *ē*: сев.-тат. *dir*, южн.-тат. *dir*, кл. перс. *dēg* 'поздно'; сев.-тат. *dig* 'обед', кл. перс. *dēg* 'котел'; сев.-тат. *zīg*, южн.-тат. *zīg*, кл. перс. *zēg* 'низ' и т. п.

Сев.-тат. *ū* — южн.-тат. *ū*, кл. перс. *u* < *u: сев.-тат. *dūm*, южн.-тат. *dūm*, кл. перс. *dum(b)* 'хвост'; сев.-тат. *būzle*, южн.-тат. *būzla* (-la — суффикс), кл. перс. *buz* 'коза'; сев.-тат. *tū*, южн.-тат. *tū*, кл. перс. *tu* 'ты'.

Сев.-тат. *ū* — южн.-тат. *ū*, кл. перс. *i*: сев.-тат. *gūl*, кл. перс. *gīl* 'глина'; сев.-тат. *dūl*, южн.-тат. *dūl*, кл. перс. *dīl* 'сердце'; сев.-тат. *čū*, южн.-тат. *čū*, кл. перс. *či* 'что'.

Сев.-тат. *u* — южн.-тат. *u*, кл. перс. *u*: сев.-тат. *dug*, южн.-тат. *dug*, кл. перс. *dūg* 'далекий'; сев.-тат. *muš*, кл. перс. *mūš* 'мышь'.

Сев.-тат. *u* — южн.-тат. *u*, кл. перс. *ō*: сев.-тат. *guz*, южн.-тат. *guz*, кл.-перс. *gōz* 'день'; сев.-тат. *kur*, кл. перс. *kōg* 'слепой'; сев.-тат. *šug*, южн.-тат. *šug*, кл. перс. *šōg* 'соленый'; сев.-тат. *gur*, кл. перс. *gōg*.

Сев.-тат. *u* — южн.-тат. *u*, кл. перс. *ā* перед *n*: сев.-тат. *xupe*, южн.-тат. *xupa*, кл. перс. *xāna* 'дом'.

Нерегулярные соответствия вышеперечисленных фонем северного диалекта в целом аналогичны нерегулярным соответствиям тех же фонем южного диалекта и возникли под влиянием тех же факторов.

Примеры: сев.-тат. *omog-* прет. осн. гл. 'приходить', южн.-тат. *â-mâg-*, кл. перс. *āmād*; сев.-тат. *xahar* 'сестра', кл. перс.

xāḥaḡ; сев.-тат. piṣuk 'соль', южн.-тат. pūṣük, кл. перс. paṣak и т. п.

Фонема а в северном диалекте соответствует как южн.-тат. ä, кл. перс. a, так и южн.-тат. â, кл. перс. ā (в исконных и заимствованных арабских словах); она встречается также в древнееврейских, тюркских, русских заимствованиях. Возникла она в исконных словах как результат контаминации открытых вариантов е < *а (в соседстве с сонорными, увулярными и с š и z) с неогубленными вариантами о < *а в тех же позициях. В старых заимствованиях из арабского и древнееврейского она встречается также в соседстве с верхнефарингальными ḥ и ʿ. В образовании фонемы а, по-видимому, значительную роль сыграло стимулирующее влияние тюркских слов.

Примеры: сев.-тат. а — кл. перс. a: kaḡ 'глухой', кл. перс. kaḡ; xaḡ, 'осел', кл. перс. xaḡ; paḡ 'перо', кл. перс. paḡ; taḡ 'мокрый', кл. перс. taḡ; naḡ 'мужчина', кл. перс. naḡ 'самец'; saḡt 'крепкий', кл. перс. saḡt; gaḡ 'цвет', кл. перс. gaḡ; šaḡt 'шестьдесят', кл. перс. šaḡt; saḡ 'сто', кл. перс. saḡ; в арабских словах: qaḡt 'старание', кл. перс. (из ар.) qaḡd 'цель, намерение'; ḥaḡz 'наслаждение', кл. перс. (из ар.) ḥaḡz; xaḡq 'народ', кл. перс. (из ар.) xaḡq; ḥaḡf 'буква', кл. перс. (из ар.) xaḡf и т. п.

Сев.-тат. а — кл. перс. ā: maḡt 'мацони', кл. перс. māḡt; kaḡ-xaḡe 'фабрика', кл. перс. kāḡxāna; в арабских словах: sā'at, кл. перс. (из ар.) sā'at; ḥal 'состояние (здоровья)', кл. перс. (из ар.) ḥāl; allah 'бог', кл. перс. (из ар.) allāḥ и т. п.; в тюркских и еврейских заимствованиях: yaḡa 'рана', азерб. яра; aḡa 'середина', азерб. ара; aḡjaḡ 'только', азерб. анчаḡ; malaḡxomovit 'ангел смерти' (из др.-евр.) и т. п.

Дифтонги южного диалекта

Дифтонг еі соответствует кл. перс. дифтонгу ау: meī 'вино', кл. перс. maū; meīmi 'обезьяна', кл. перс. maūmi [Соколова 1953, 127]. Дифтонг еі вторичного образования — из сочетания фонем а + у: raḡteī — перфект 3 л. ед. ч. от гл. 'уходить' < raḡta; то же в других формах перфекта, см. ниже.

Дифтонг оу соответствует кл. перс. сочетаниям -āb-, -āv-: oū 'вода', кл. перс. āb; xoū 'сон', кл. перс. xāb; goū 'корова', кл. перс. gāv.

Дифтонг өү соответствует кл. перс. сочетаниям -ab-, -av-: šöü 'ночь', кл. перс. šab; döü- през. осн. гл. 'бежать', кл. перс. dav-; jöü 'ячмень', кл. перс. jav [Соколова 1953, 127—128]. Дифтонг өү образовался также из сочетания а или ā с последующим ү: poüš- < *naviš- — през. осн. гл. 'писать' [Соколова 1953, 127—128].

Как уже было указано выше, дифтонгам южного диалекта в северном диалекте соответствуют сочетания «гласный + согласный».

Исторические соответствия гласных по диалектам в сопоставлении с классическим персидским языком можно представить следующей схемой (см. с. 246).

<i>сев. диал.</i>	<i>южн. диал.</i>	<i>кл. перс.</i>	<i>общезап. ир.</i>
e	ä	a	*a
a	â	ā	*ā
o	u	ū	*ū
u	ü	u	*u
ü	ı	ī	*ī
i	ı	ē	*ē
eu	eı	au	*au
ou	ou	āb	*āp
		āv	*āv
eu	au	ab	*ap
		av	*av

Консонантизм

Исторические соответствия подавляющего большинства татских согласных в обоих диалектах те же, что в кл. перс., и поэтому здесь не рассматриваются. Специальных замечаний требуют только нижеследующие соответствия в татском консонантизме.

$r < \delta < *t$, кл. перс. δ . Речь идет о хорошо известном татском ротацизме, обратившем на себя внимание первых исследователей татского языка [Миллер Вс. 1900]. Примеры многочисленны: южн.-тат. *vâr*, сев.-тат. *vor* 'ветер', кл. перс. *bād*; южн.-тат. *ârnâ*, сев.-тат. *ogne* 'пятница, неделя', кл. перс. *ādīna*; южн.-тат. *riḡna*, сев.-тат. *riḡne* 'мята', кл. перс. *rūdīna*; южн.-тат. *dumar*, сев.-тат. *dumog* 'зять', кл. перс. *dāmād*; в претеритальных основах глаголов на $*-la >$ кл. перс. δ : южн.-тат. *âmâr-*, сев.-тат. *omog-* 'приходить', кл. перс. *āmad-*; южн.-тат. *âstâr-* 'брат', кл. перс. *sitād-*; южн.-тат. *bir-*, сев.-тат. *bir-*, 'быть', кл. перс. *būd-*; южн.-тат. *dar-*, сев.-тат. *dog-* 'давать', кл. перс. *dād-*; южн.-тат. *zar-*, сев.-тат. *zer-* 'бить', кл. перс. *zad-*; во вторичных претеритальных основах на $*-\delta$: южн.-тат. *râsir-*, сев.-тат. *rasir-* 'достигать', кл. перс. *rasīd-*; южн.-тат. *larzir-*, сев.-тат. *lerzir-* 'дрожать', кл. перс. *larzīd-*.

Наличие ротацизма — одно из свидетельств довольно раннего выделения татского из юго-западной общности (до того, как осуществился переход $\delta > d$ [Грюнберг 1961₂, 114]).

Начальное $v < *v (>$ кл. перс. b): южн.-тат. *vâxt-*, сев.-тат. *vaht-* прет. осн. гл. 'играть', кл. перс. *bâxt-*; южн.-тат. *vâr*, сев.-тат. *vor*, кл. перс. *bād*; южн.-тат. *valg* 'лист', сев.-тат. *velg*, кл.

перс. *bag*; южн.-тат. *vača*, сев.-тат. *veče* 'детёныш', кл. перс. *bača* 'дитя'; южн.-тат. *varf* сев.-тат. *verf* 'снег', кл. перс. *barf*; южн.-тат. *vâg-*, сев.-тат. *vor-* през. осн. гл. 'идти' (о дожде и т. п.), кл. перс. *bâg-*.

Начальное или поствокальное $v < *p$ ($>$ кл. перс. *b*): южн.-тат. *-vâz*, *-avâz*, сев.-тат. *-voz*, *-evoz* — окончание орудийно-комитативного падежа, кл. перс. *bâz* 'снова' $<$ ср.-перс. ран. *arâc*; южн.-тат. *-vâ-*, сев.-тат. *vo-* — глагольная приставка, кл. перс. *bâz* $<$ $*arâc$; южн.-тат. *vâgâstan* 'возвращаться', кл. перс. *bâz gaštan*, южн.-тат. *vâkârdan*, сев.-тат. *vokurde* 'открывать', кл. перс. *bâz kardân*; ср. тот же переход в дари; южн.-тат. *vâ(r)-*, сев.-тат. *ve(r)-* глагольная приставка, кл. перс. *bag-* $<$ $*arag-$; южн.-тат. *vâtmâgân* 'вывихиваться', сев.-тат. *vermoge* 'вырасти, подняться', кл. перс. *bagâmadan* 'выходить', южн.-тат. *vârvârdân* физиол. 'рвать', кл. перс. *bagâvardan* 'извлекать наружу' и т. п. Ср. по сути дела ту же трактовку поствокального $*p$ в южных дифтонгах и вокально-консонантных сочетаниях северного диалекта. Полный список глаголов южного диалекта с приставками *vâ-* и *va(r)-* [см. Грюнберг 1963₁, 115—116].

Вышеописанные фонетические соответствия, составляющие специфику татского внутри юго-западноиранских языков, показаны на следующей схеме:

Тат.	←————→	Др.-ир. $*-$	————→	Кл. перс.
-r-	←————→	$*-t-$	————→	-ð-
v-	←————→	$*v-$	————→	b-
-v-	←————→	$*-p-$	————→	-b-

К числу единичных соответствий, не указанных в схеме, относятся: сохранение начального *vi-* в глаголе *viriz-*: *virixt-* 'бежать', ср. кл. перс. *gurez-*: *gurēxt-*; *-rz-* $<$ $*-rz-$ в слове южн.-тат. *var(a)za* 'подъем', ср. кл. перс. *baland* 'высокий' и кл. перс. *burz* в том же значении, считающееся северо-западным заимствованием.

Верхнефарингальные *ħ* и, отмечены в составе семитской лексики: южн.-тат. *sabaħ*, сев.-тат. *sebaħ* 'утро', южн.-тат. *ħaz*, сев.-тат. *ħaz* 'удовольствие'; южн.-тат. 'asal, сев.-тат. *asel* 'мед'; южн.-тат. 'arÿs, сев.-тат. 'arÿs 'невеста'; сев.-тат. *mi'it* 'праздник'; южн.-тат. *mâslaħât*, сев.-тат. *maslaħat* 'совет' и т. п. Однако под влиянием заимствований верхнефарингальная артикуляция распространилась и на некоторые иранские слова, особенно в северном диалекте: южн.-тат. *tâlħ*, сев.-тат. *taħl* 'горький'; южн.-тат. 'âs, сев.-тат. *asr* 'лошадь'; южн.-тат. *pÿħ*, *pÿħ*, сев.-тат. *pÿħ* 'девять'; сев.-тат. *daħ* 'десять'; сев.-тат. *ħozog* 'тысяча' и т. п. Как уже было отмечено, в южном диалекте верхнефарингальная артикуляция во многих случаях факультативна и в целом вытесняется из языка. В северном диалекте, как можно предполагать по имеющимся данным, верхнефарингальные распространены в различных говорах в различной степени.

ХАРАКТЕР СЛОГА

В татском языке слог может быть открытым или закрытым одним или двумя согласными. Однако в последнем случае в конце слога недопустимы сочетания двух смычных согласных, хотя нередко встречаются и сочетания «спирант + смычный», «сонант + смычный». В начале слога не встречается стечение двух согласных; при заимствовании слов с двухсогласным началом между начальными согласными появляется вставной гласный: *pirikaz* 'приказ'; *kulub* 'клуб'; или же слово получает гласное начало: *istalova* 'столовая'.

УДАРЕНИЕ

Ударение в татском языке силовое. В именах, не осложненных морфологическими показателями, оно падает на последний слог. Морфологические показатели могут быть как ударными (показатель мн. числа, уменьшительный суффикс — южн. *-la*, сев. *-le*), так и безударными (показатель объектного падежа).

Неспрягаемые формы глагола подчиняются общему правилу об ударении. Что касается простых личных глагольных форм, то здесь возможны следующие случаи: 1) ударение падает на основу, а если последняя двусложна, то на ее последний слог (простое прошедшее, прошедшее многократное); 2) ударение падает на первый слог формы (императив, аорист); 3) ударение падает на окончание (будущее потенциальное). В отрицательных формах ударение обычно переносится на отрицание. В сложных глагольных формах вспомогательный компонент является безударным (см. ниже).

МОРФОЛОГИЯ

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

Татские существительные не имеют грамматической категории рода. Морфологически различается два числа — единственное и множественное — и три падежа — прямой, объектный и орудийно-комитативный. Существительные могут образовывать также притяжательные комплексы, близкие по значению к падежной форме.

Показателем мн. числа для большей части существительных служит суффикс южн.-тат. *-hâ/-â* (последний вариант обычно после согласных), сев.-тат. *-ho*; южн.-тат. *hupä*, сев.-тат. *xupe* 'дом', мн. ч. южн.-тат. *xupähâ*, сев.-тат. *xupeho* 'дома'; южн.-тат. *dâr*, сев.-тат. *dog* 'дерево', мн. ч. южн.-тат. *dâr(h)â*, сев.-тат. *dorho* 'деревья'.

Незначительное количество существительных, чаще всего обозначающих одушевленные предметы, образует мн. число с помощью суффикса южн.-тат. *-un*, сев.-тат. *-un-u*. Примеры из южного диалекта: *ädämi* 'человек', *ädäminun* 'люди'; *märd* 'мужчина', *märdun* 'мужчины' и т. п.; в части говоров также *sânq* 'камень', *sânqun*

'камни'; *dī* 'деревня', *dīyūn* 'деревни'. В северном диалекте суф. *-un/-u* употребляется только с терминами родства в устной речи, параллельно с формами на *-ho*: *bebe* 'отец', *bebeu*, *bebeho* 'отцы'; *kuk* 'сын', *kukun*, *kukho* 'сыновья'. В письменном языке употребляется только суф. *-ho*.

Оба суффикса унаследованы татским из юго-западной общности, ср. кл. перс. *hā* < **īhā* и кл. перс. *-ān* < **-ān*.

Прямой падеж не имеет специального показателя. Объектный падеж образуется с помощью безударного показателя южн.-тат. *-gā/-ā*, сев.-тат. *-ge/-e*. Орудийно-комитативный падеж имеет окончания южн.-тат. *-(r)âz*, *-(r)âzâ*, *-(r)âvâz*, сев.-тат. *-(r)evoz*; формы с начальным *t* употребляются после гласного.

Падежные окончания восходят к послелогам; таким образом, татский, как и многие другие иранские языки, развивает систему вторичных агглютинативных падежей (ср. более традиционную трактовку рассматриваемых форм в предшествующих работах по татскому языку [Грюнберг 1961₂; Грюнберг 1963₁, 22, 30; Грюнберг 1966]).

Как и в других иранских языках, развивших вторичные падежи, падежные окончания в татском выступают как групповая флексия; если существительное имеет постпозитивные определения, они оформляют последний компонент в группе существительного (подобно послелогу *gā* в кл. персидском). Окончание объектного падежа восходит к послелогу юго-зап. **gād* < др.-ир. *gādī*, ср. кл. перс. *gā*. Окончание орудийно-комитативного падежа образовалось, как это хорошо видно по более архаичной форме северного диалекта, из окончания косвенного падежа **gād* + формант, восходящий к послелогу (и предлогу) **arāš*, ср. ср.-перс. *arāš*, кл. перс. *bāz*. Орудийно-комитативный падеж, несомненно, более поздний по происхождению, чем косвенный и развит татским после его выделения из юго-западной общности. Широкое распространение послелог **arāš* получил, очевидно, уже после того, как **gād* превратился в падежное окончание объектного падежа, с которым и употреблялся послелог **arāš*. Персидский язык, как известно, имеет именную форму с послелогом *gā* (которая может рассматриваться как вторичная форма косвенного падежа), но не выработал комитатива на **arāš*.

По соотношению значений между формами ед. и мн. числа татский сходен с персидским и рядом других иранских языков. Форма прямого падежа ед. числа, не будучи оформлена какими-либо показателями или определениями, является обычно обозначением неопределенного, нерасчлененного множества, совокупности предметов (исключением являются существительные, определенные по своей природе — имена собственные, термины родства и др.). Форма мн. числа обозначает совокупность ряда определенных, единичных, поддающихся счету предметов. Существительные, обозначающие вещество как таковое (типа южн.-тат. *oū*, сев.-тат. *ov* 'вода'; южн.-тат. *pu*, сев.-тат. *pu* 'хлеб' и т. п.), во мн. числе не употребляются, за исключением тех случаев, когда они обозначают

совокупность различных сортов, разрядов и т. п. одного и того же вещества.

Значения падежей. Прямой падеж существительного служит падежом: а) подлежащего: южн.-тат. *vâriš bâristân*, сев.-тат. *voğuš omoge* 'идет дождь'; б) неопределенного прямого дополнения: южн.-тат. *oç biyâg*, сев.-тат. *ou biyog* 'принеси воды' (см. также ниже); в) именной части сказуемого: южн.-тат. *ÿsun tat-ÿ*, сев.-тат. *işu tat-i* 'они таты'; г) определения по принадлежности: южн.-тат. *xunej ruâg*, сев.-тат. *xuney bebe* 'дом отца'.

Объектный падеж — падеж прямого дополнения, обозначающего единичный определенный предмет (ед. число), либо совокупность такого рода предметов (мн. число): южн.-тат. *Şabi tkunâ bâst* 'Шабь закрыл эту лавку'; сев.-тат. *xuneye deniş* 'посмотри этот дом'. В южном диалекте существительное в объектном падеже выступает также в качестве определения в одном из типов определительной конструкции.

Орудийно-комитативный падеж употребляется с предлогами южн.-тат. *bâ*, сев.-тат. *e* для выражения а) орудийности: южн.-тат. *kufind bâ çu-v-âz* 'бейте палкой', сев.-тат. *i guşt e paçaqevoz kufte miyev* 'это мясо можно топориком порубить'; б) совместности: южн.-тат. *râniyâ bâ nu-v-az buxârdâni* 'ты ешь сыр вместе с хлебом'; сев.-тат. *e aqulmendevoz eri sang buğa buta* 'с умным иди дробить камни'. В южном диалекте орудийно-комитативный падеж употребляется также с предлогом *â(z)* для обозначения исходного пункта во времени: *â râgâz* 'с прошлого года', *â deidirâvâz* 'со вчерашнего дня'.

С притяжательной частицей южн.-тат. *ân*, сев.-тат. *en* существительные образуют притяжательный комплекс: южн.-тат. *ân tuâlîm* 'принадлежащий учителю', южн.-тат. *ân Mâmmâd* 'принадлежащий Мамеду', сев.-тат. *en Xanon* 'принадлежащий Ханону'. Частица южн.-тат. *ân*, сев.-тат. *en*, несомненно, восходит к указательному местоимению *ân, как об этом свидетельствует сопоставление притяжательных комплексов с персидскими словосочетаниями типа *az ân-i man* 'принадлежащий мне'; в некоторых южно-татских говорах в состав комплекса может входить предлог *âz*: *âz ân ruâg* 'принадлежащий отцу'. Притяжательные комплексы проявляют тенденцию к слиянию в единую словоформу (см. ниже); эту тенденцию с точки зрения функций и места притяжательных комплексов в системе именного словоизменения можно рассматривать как тенденцию к образованию вторичной падежной формы генитива. Подобно окончаниям вышеописанных трех падежей, частица южн.-тат. *ân*, сев.-тат. *en* является групповым показателем, способным оформлять как изолированное существительное, так и существительное в сочетании с определениями, занимая при этом первое место в составе комплекса: южн.-тат. *ân kiçâ xuvâg mân* 'принадлежащий моей младшей сестре', сев.-тат. *en çikle haqar me*. Притяжательные комплексы могут употребляться как атрибутивно (см. ниже), так и предикативно: южн.-тат. *in âs — ân qalxuz*

sädrî-y-ÿ, сев.-тат. *i asp* — *en pırsedatel kolxosi* 'эта лошадь — председателя колхоза'.

В южном диалекте существуют также суффиксированные притяжательные комплексы, отличающиеся от вышеописанных наличием суф. *-kin* (азерб. *-ki*); такие комплексы образуются только от имен собственных и употребляются преимущественно предикативно *in kitâb — ân Mämmädkin-ÿ* 'эта книга — Мамеда (Мамедова)'.

Выражение определенности и неопределенности. Средства выражения определенности и неопределенности в татском языке тесно переплетаются со средствами выражения единичности и множественности. Как уже было указано, татские существительные ед. числа могут обозначать как единичный предмет, так и неопределенное, нерасчлененное множество, совокупность предметов. Для выражения неопределенной единичности употребляется числительное *uđ* 'один', выполняющее, таким образом, функцию неопределенного артикля³. Для выражения определенности используется указательное местоимение *in* 'этот' (в функции определенного артикля).

В обоих диалектах татского языка существует два типа определительной конструкции с существительным в качестве определения.

В первом из них определение стоит непосредственно после определяемого; при этом существительное, имеющее исход на гласные южн. *â, ä*, сев. *e*, принимает показатель *i/ÿ*, (который в сочетании с предшествующим гласным в южном диалекте дает дифтонг *eï*): южн. *duvâr xunä* 'стена дома'; южн. *xuneï riâr* 'дом отца'; южн. *sulâi siçân* 'нора мыши'; сев. *xaĥar Xanon* 'сестра Ханона'; сев. *xuneu bebe* 'дом отца'; сев. *duvor xune* 'стена дома'. Этот тип определительной конструкции в южном диалекте имеет ограниченное распространение и вытесняется специфической для этого диалекта определительной конструкцией с определением в объектном падеже, см. ниже, а также [Грюнберг 1963, 25—26]. Определительная конструкция первого типа унаследована татским из юго-западной общности (ср. перс. *изафет*). После согласных и части гласных произошла редукция *изафетного* показателя *i* < **hu*; после гласных *ä, â* в этих случаях наблюдается тенденция к его исчезновению. Возможны формы без показателя *i/ÿ*, типа *duxtä Masi* 'дочь Маси', *gädä Nÿhi* 'сын Нухи' и т. п.

Во втором типе определительной конструкции в качестве определения выступает притяжательный комплекс: южн. *xuneï ân ruâr* 'дом отца'; сев. *xaĥar en Xanon* 'сестра Ханона'.

Спецификой южного диалекта является третий тип определительной конструкции, в котором существительное-определение стоит перед определяемым в объектном падеже; определяемое имеет при себе энклитически употребленное местоимение 3-го лица ед. или

³ Татский, в отличие от близкородственных ему персидского и таджикского, не сохранил специального постпозитивного показателя неопределенности (кл. перс. *-i*, тадж. *-e* < **ë* < **ev*).

мн. числа: южн. руагä хунä-уi 'дом отца'; южн. 'äyälunä jävâbhäy šun 'ответы детей' и т. п. Этот тип конструкции является относительно поздним новообразованием южного диалекта, возникшим при интенсивном тюркском влиянии, которое стимулировало процесс широкого распространения модели, в исходном материале возникавшей лишь спорадически. Подтверждением тому служит сопоставление материала двух татских диалектов между собой (в менее тюркизованном северном диалекте эти конструкции отсутствуют), а также сопоставление материала южного диалекта с персидским и с узбекизованными северо-таджикскими говорами [Грюнберг 1961, 14—15, 22].

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Прилагательные отличаются от существительных по следующим морфологическим и синтаксическим признакам: они не имеют формы мн. числа и падежа; часть из них имеет в своем составе специальные, свойственные только этой части речи словообразовательные суффиксы; только прилагательные имеют особую определительную форму; некоторые из них способны также образовывать формы сравнительной степени.

Определительная форма образуется от основной с помощью конечного безударного южн. -ä, сев.-е: хиб 'хороший', определительная форма южн. хибä, сев. хибе. Наличие такой формы является изоглоссой, объединяющей татский с так называемыми прикаспийскими языками — гилянским, мазандеранским, талышским. Определительная форма может быть возведена к юго-зап. определительным формам прилагательных на -е, ср. ср.-перс. атрибутивные формы прилагательных на -ē. Необычный переход ē > южн. ä, сев. е, возможно, объясняется безударной позицией в исходе слова (во всех прочих случаях в татском мы имеем продолжения *ē в ударной позиции). Как известно, уже в среднеперсидском употребление определительных форм было факультативным; в современном персидском отражение старых определительных форм можно видеть в словах rīgazān, rīgānārd с тем же незакономерным переходом *ē > а.

Качественные прилагательные имеют форму сравнительной степени, которая образуется от основной формы с помощью суффикса южн. -tä, сев. -te < *-tara, кл. перс. -tar: хиб 'хороший' — южн. хибtä, сев. хибте; южн. сийäh, сев. сийеh 'черный' — южн. сийähtä, сев. сийеhte. Сравнительная степень может выражаться также синтаксически: южн. äz värf spi, сев. ez verf sibi 'белее снега'.

Превосходная степень в северном диалекте образуется с помощью редупликации суф. -te: хиб 'хороший', хибтете 'наилучший'; риг 'полный', ригтете 'наиполнейший'.

Прилагательное может выступать в предложении в функции приименного определения, обстоятельства и именной части сказуемого. Будучи приименным определением, прилагательное в опреде-

лительной форме стоит перед существительным, не согласуясь с ним ни в числе, ни в падеже: южн. *xubā xupā*, сев. *xube xupe* 'хороший дом', объектн. п. южн. *xubā xupāgā*, сев. *xube xuperegē*; орудийн.-комитат. п. южн. *xubā xupā-y-âz*, сев. *xube xuperevoz*; мн. ч. южн. *xubā xupāhâ*, сев. *xube xupeho*.

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Количественные числительные

Количественные числительные от 1 до 10 унаследованы из юго-западной общности и имеют формы, весьма близкие к персидским: южн. *yā/yāki*, сев. *ye/yeki* 'один'; южн. *dū/dūdū*, сев. *du/dudu* 'два'; южн. *sā/sāsā*, сев. *se/sese* 'три'; южн. *čar*, сев. *čor* 'четыре'; южн. *panj*, сев. *penj* 'пять'; южн. *šāš*, сев. *šeš* 'шесть'; южн. *hāft*, сев. *haft* 'семь'; южн. *hāšt*, сев. *hašt* 'восемь'; южн. *pūh*, сев. *pūh* 'девять'; южн. *dāh*, сев. *dah* 'десять'. Формы южн. *yāki*, *dūdū*, *sāsā* (сев. *yeki*, *dudu*, *sese*) употребляются только независимо, при счете.

Количественные числительные от 11 до 19 в северном диалекте также весьма близки к персидским: *yazdah* '11', *dvazdah* '12', *sizdah* '13', *čordah* '14', *razdah* '15', *šazdah* '16', *hafdah* '17', *haždah* '18', *nazdah* '19'. Южный диалект образовал для этих числительных новые формы из сочетания числительных первого десятка с числительным *dāh* 'десять': *dāhyāk* '11', *dāhdū* '12', *dāhsā* '13', *dāhčâr* '14', *dāhpânj* '15' и т. п. Также весьма схожи с персидскими в северном, отчасти и в южном диалекте названия целых десятков: южн., сев. *bist* '20', южн., сев. *si* '30', южн., сев. *čyl* '40', южн. *pānjāh*, сев. *penjoh* '50', сев. *šast* '60', сев. *haftod* '70', сев. *haštod* '80', сев. *pavad* '90'.

В большинстве говоров южного диалекта в названиях целых десятков прослеживается, начиная с числительного 60, вигезимальная система счета: *sābist* '60', *sābistdāh* '70', *čârbist* '80', *čârbistdāh* '90'. В некоторых говорах представлена та же система, что в северном диалекте: *šāst* '60', *hāftād* '70', *hāstād* '80', *pāvād* '90'. Было бы естественным предположить вторичность вигезимального счета в южном диалекте, учитывая его отсутствие в персидском и широкую распространенность в соседних кавказских языках; однако невигезимальные формы числительных как в южном, так и в северном диалектах, несомненно, заимствованы из персидского, на что указывает сохранение поствокального *d* (в татском перешедшего в *g*).

Названия сотен: южн. *sād*, сев. *sad* '100'; южн. *dūsād*, сев. *divist* '200'; южн. *sāsād*, сев. *sasad* '300'; южн. *čârsād*, сев. *čor-sad* '400' и т. п. 'Тысяча': южн. *hāzâr*, сев. *hozor*; 'две тысячи': южн. *dū hāzâr*, сев. *du hozor* и т. п. В смешанных числительных свыше двадцати, как и в соответствующих персидских, названия единиц следуют за названиями десятков. При этом в южном диалекте между ними стоит соединительный гласный *-i*, в северном

диалекте какой-либо показатель отсутствует: южн. *sād-i bistī pān*, сев. *sad bist penj* '125'.

Наряду с вышеприведенными иранскими количественными числительными в южном диалекте широко употребляются тюркские, особенно при обозначении чисел от 60 и выше [Грюнберг 1963, 46—47].

Дробные числительные в северном диалекте образуются сочетанием количественных числительных, причем знаменатель ставится после числителя непосредственно, или с предлогом *ez*: *se (ez) sog* 'три четверти'. В южном диалекте не зарегистрированы.

После всех количественных числительных существительные употребляются в ед. числе. Наиболее употребительный из нумеративов — *-tā/-te* 'штука', кл. перс. *tā*. В южном диалекте этот нумератив проявляет тенденцию к тесному слиянию с числительным, так что можно говорить о превращении его в суффикс; он употребляется и при счете: *yāki, dūtā, sātā* и т. п.

Порядковые числительные

Порядковые числительные в северном диалекте образуются от количественных с помощью суф. *-imi*: *yekimi* 'первый', *dahimi* 'десятый', *sadimi* 'сотый' и т. п. Суф. *-imi* имеет общее происхождение с персидским суффиксом порядковых числительных *-umīn* < *um + *in. В южном диалекте иранские порядковые числительные не употребляются; они вытеснены тюркскими: *birinji* 'первый', *ikinji* 'второй' и т. п.

Местоименные числительные: южн. *inqādā, unqādā*, сев. *inqada, unqada* < *in qadr, ān qadr* 'столько'; южн. *yā xeīli*, сев. *ye xeuli* 'много', ср. кл. перс. *xeili*; южн. *yā kām*, сев. *yā čān*, сев. *ye kem*, ср. кл. перс. *yak kam, yak čand* 'немного'; южн. *bul*, сев. *mul* 'много'; южн. *čān*, ср. кл. перс. *čand* 'несколько'; сев. *ye tike* 'немного' (см. также «Наречия»).

МЕСТОИМЕНИЯ

Личные местоимения

Личные местоимения морфологически сходны с существительными. Они имеют падежные формы, могут образовывать притяжательные комплексы (см. табл. 12).

Все личные местоимения легко возводятся к общезападному прототипу (ср. личные местоимения классического персидского и среднеперсидского языков). Конечное *n* в местоимениях 1 и 2-го лица мн. числа, по-видимому, возникло по аналогии с 3-м лицом; гласный *i* закономерно возник перед *n*. Тот же процесс можно предполагать и для северного диалекта, с той разницей, что конечное *n* отпало, в соответствии с общей тенденцией этого диалекта. В южном диалекте в настоящее время конечное *n* личных местоимений 1 и 2-го лица факультативно. Вариантные формы 3 л. ед. ч. *i, ū*

Таблица 12

Лицо	Единственное число			Множественное число		
	Прямой падеж	Объектный падеж	Орудийно-комитативный падеж	Прямой падеж	Объектный падеж	Орудийно-комитативный падеж
1	ю. máp с. me(p) < *map	ю. mápá с. mére	ю. mánáz с. mérevoz	ю. (i)mu(h) с. imu < *(a)mán	ю. (i)muñá с. imúre	ю. (i)muñ-áz с. (i)múrevoz
2	ю. tú с. tú < *tu	ю. túrá с. túre	ю. túgáz с. túrevoz	ю. (i)šmú(m) с. išmú < *šmáh	ю. (i)šmúñá с. išmúre	ю. (i)šmúñáz с. (i)šmúrevoz
3	ю. i, ú, u с. u < *õ	ю. íra, uga, úgá с. úre	ю. ígáz, úgáz с. úgáz, úrevoz	ю. (i)šún с. išu, < *ěšán, uho	ю. (i)šúná с. išúre, uhóre	ю. (i)šúnáz с. išúrevoz, uhórevoz

Примечания. 1. Начальный гласный (i) в формах мн. числа южного диалекта указан условно; фактически в быстрой речи произносится сильно редуцированный нейтральный гласный, при более тщательном произношении может восстанавливаться любой из неустойчивых гласных: išap/išup/išup. 2. Окончания орудийно-комитативного падежа даны в одном варианте; кроме указанного в таблице существуют варианты -ázá, -ázá, -ázáz, так же как в окончаниях этого же падежа существительных. 3. Варианты i, u, ú местимения 3-го лица ед. числа в южном диалекте — говорные.

южного диалекта, по-видимому, следствие контаминации собственно личных местоимений (<*ō) с указательными (<*ēn и <*ān, см. ниже). В 3-м лице мн. числа в южном диалекте существует только продолжение *ēšān; в северном диалекте, как и в классическом персидском языке, параллельно употребляется вторичное образование от указательного местоимения.

Функции падежных форм личных местоимений в целом те же, что у падежных форм существительных. Однако в функции прямого дополнения личные местоимения всегда выступают в объектном падеже (поскольку обозначают заведомо определенный предмет, ср. обязательное оформление послесловом gā личных местоимений в этой функции в персидском языке).

Подобно существительным, личные местоимения с частицей ān/en образуют притяжательные комплексы (в южном диалекте как несuffигированные, так и suffигированные. Несuffигированные комплексы: ед. ч.: 1 л. южн. ālmān, сев. enmen, 2 л. южн. āntū, сев. entū, 3 л. южн. āni, ānū, сев. eni; мн. ч.: 1 л. южн. ālmun, сев. enimu, 2 л. южн. ānšmun, сев. enišmu, 3 л. южн. anšun, сев. enišu. Suffигированные комплексы южного диалекта: ед. ч.: 1 л. ālmānkin, 2 л. āntūkin, 3 л. ānikin, ānūkin, ānukin; мн. ч.: 1 л. ālmunkin, 2 л. ānšmunkin, 3 л. anšunkin.

В отдельных говорах южного диалекта зарегистрированы притяжательные комплексы, в состав которых входит предлог āz: āzālmān, āzāntū и т. п. (см. раздел о происхождении притяжательных комплексов).

Как видно из приведенных форм, в южном диалекте заметное проявляется тенденция к превращению притяжательных комплексов в единую словоформу; об этом свидетельствуют фонетические изменения на стыке с частицей n: переход n > l перед m в первых лицах, отпадение начальной гласной в формах мн. числа.

Притяжательные комплексы с личными местоимениями употребляются только предикативно (но не атрибутивно): южн. in xunā ālmān, сев. i xune enme 'этот дом мой'; южн. yā māšin ālmānkin, yāki āntūkin, сев. ye māšin en meini, ye (yekige) en tūni 'Одна машина моя, другая — твоя'.

В южном диалекте они могут также субстантивироваться и принимать при этом показатели числа и падежа; такое употребление притяжательных комплексов следует рассматривать как эллиптическое: южн. lā'āf tūrā bār! ālmān-iš (вм. lā'āf mān-iš) bār! — mānā kar nist, mān hā ālmānkinā imbārdānūm 'отнеси свое одеяло! И мое отнеси! — Это не мое дело, я отнесу только свое!' [см. также Грюнберг 1963₁, 40].

Личные местоимения могут принимать участие в определительной конструкции первого типа, а также в специфичной для южного диалекта конструкции третьего типа.

В определительной конструкции первого типа они всегда энклитичны, причем формы мн. числа в южном диалекте теряют первый гласный: южн. xunej mi, сев. xuneu imi 'мой дом'; южн. kitāb šmi, сев. kitab išmi 'ваша книга'.

В третьем типе определительной конструкции с личными местоимениями местоимение в объектном падеже стоит перед определяемым; определяемое имеет при себе энклитически употребленное личное местоимение: *mānā kitāb mān* 'моя книга', *tūtā ruār tū* 'твой отец' и т. п.; в качестве первого члена этой конструкции может выступать притяжательный комплекс: *ālmunā 'āyālun mun* 'наши дети'; *ālmānkinā šikil mān* 'моя фотография'. Конструкции третьего типа с личными местоимениями, подобно аналогичным конструкциям с существительными, структурно сходны с тюркскими плеонастическими определительными конструкциями типа азерб. *мэним китабым*, *сизин китабын* и т. п., и несомненно, получили широкое распространение под тюркским влиянием.

Возвратное местоимение

Возвратное местоимение южн. *xištān*, сев. *xište(ni)* < **x^vēštan*, ср. кл. перс. *xištan* грамматически сходно с существительным. Оно имеет падежные формы: объектн. южн. *xištānā*, сев. *xištere*, оруд.-комит. южн. *xištānāz*, сев. *xišterevoz-*; может выступать в качестве определяемого в определительной конструкции, имея при этом значение 'сам': южн. (*mānā*) *xištān mān* 'я сам'; южн. *mūāllimā xištāni* 'сам учитель'; в функции определения имеет значение 'свой': южн. *xunej xištān* 'свой дом', сев. 'ail *xište* 'свой ребенок'. Местоимение *xištān* может также образовывать притяжательный комплекс: южн. *ān xištān* (*mān, tū* и т. п.), сев. *en xišteni* (*me, tū* и т. п.) 'принадлежащий самому' (мне, тебе и т. п.).

В южном диалекте в сочетании с местоимением *xištān* нередко плеонастически употребляется заимствованное тюркское возвратное местоимение *üz* 'сам': *üz xunej xištān* 'свой собственный дом'; *üz xištān mān* 'я сам'.

Продолжения местоименной основы **x^vat-* в татском языке не зарегистрировано.

Указательные местоимения

Указательные местоимения: южн. *in*, сев. *i(n)* 'этот' < **ēn*; южн. *un*, сев. *u(n)* 'тот' < **ān*; южн. *hāmin*, сев. *hei* 'вот этот', ср. кл. перс. *hamīn*; южн. *hāmīn*, сев. *heu* 'вот тот', ср. кл. перс. *hamān*. Формы сев. *hei* и сев. *heu*, возможно, не являются прямым продолжением **ham ēn*, *ham ān*, а представляют собой новообразование, с использованием живой выделительной частицы *hā/he*.

Южн. *čini*, сев. *čeni* 'такой (как этот)', ср. кл. перс. *čunīn* < **čun in*; сев. *čenu* 'такой (как тот)', ср. кл. перс. *čunān* < **čun ān*; южн. *āzini*, сев. *ežini* 'такой'; южн. *āzuni*, сев. *ežuni* 'такой'; сев. *ini*, *uni* 'этот самый, тот самый' и те же формы с выделительной частицей *he*: *heini*, *heuni*. Формы южн. *āzini*, сев. *ežini*, южн. *āzuni*, сев. *ežuni* имеют в составе предлог *az*, ср. сходное употребление предлога *az* в дари: *az u kitāb* 'такого рода книга'.

Конечное *ni* в формах *āzini* и т. п., по-видимому, представляет собой плеонастическое наращение суф. **in*, по аналогии с первичными формами типа **hamīn*, *čunīn*.

Определительные местоимения

Определительные местоимения южн. *hār*, сев. *her* 'каждый, всякий' (ср. кл. перс. *har*), южн. *hāmā*, сев. *heme* 'все, весь' (ср. кл. перс. *hama*), южн. *un yākī* (ср. кл. перс. *ān yak-i*) по употреблению сходны с соответствующими кл. перс.; отметим только, что в южном диалекте местоимение в значении 'все' может выступать как определяемое в конструкции 3-го типа: *yūnā hāmā-yi* 'все они'.

В северном диалекте широко употребительно суффиксальное определительное местоимение *-ge* 'другой' (после согласного), *-ige* (после гласного) < **digar: ditīkar: defter-ge* 'другая тетрадь', *xūne-ige* *xūne-ge* 'другой дом'. В южном диалекте обычно употребляется в сочетании с союзом-частицей *-iš* в значении 'другой, еще': южн. *yā dārz-gā-iš* 'еще одна ночь', *panj ruz-gā-iš* 'еще пять дней'.

Все прочие определительные местоимения в обоих диалектах заимствованы из тюркских языков: южн. *yūzgā* 'другой', азерб. *özgə*; южн. *başqa*, сев. *başqa* 'другой', азерб. *başqa*; южн. *aīrī* 'другой', азерб. *aīrī*; южн. *būtey* 'весь', азерб. *bütöv*.

Неопределенные местоимения

Неопределенные местоимения: южн. *kās*, сев. *kes* 'некто, кто-то', кл. перс. *kas*; южн. *čiz* (в части говоров) 'что-то, нечто'; в других говорах южного диалекта местоимению *čiz* соответствует *šei* (< араб. *šay* 'вещь') и *zat* (< араб. *zat* 'сущность, существо', ср. азерб. *zad* 'нечто, что-то'). Все эти местоимения обычно употребляются с числительным-артиклом *yā*: *yā kās*, *yā čiz* и т. п.

Только в северном диалекте употребляются местоимения *allakī* 'кто-то', *allačū* 'что-то', *allačend* 'столько-то' (этимология элемента *alla-* в первой части этих местоимений неясна); *yekīho* 'некие люди' (*yekī + ho*, ср. кл. перс. *yak-i* 'некто').

Только в южном диалекте употребительно местоимение *bā'zī* 'некоторые' (ср. араб.-перс. *ba'zī* в том же значении).

Отрицательные местоимения

Отрицательные местоимения: южн. *hič*, сев. *hič* 'никакой' (ср. кл. перс. *hič*); сочетания этого местоимения с неопределенными местоимениями *kās*, *čiz*, *zat* в южном диалекте: *hičkās*, *hiččiz*, *hičzat* (< *hič zat*); южн. *yākīš*, сев. *yekīš* 'никто' (*yāk*, *yek* + союз-частица *-iš*); сев. *yeciš* (< **yek čiz-iš*) 'ничто'.

Все отрицательные местоимения употребляются в предложениях со сказуемым-глаголом в отрицательной форме: южн. *hič yā ādāmi*

nââmârei, сев. hiç ye odomi poomogei 'никто (досл.: никакой человек) не пришел'; южн. hiçkâs nâdirei, сев. hiç kes nedirei 'никто не видел' и т. п.

Вопросительные местоимения

Вопросительные местоимения: южн. çû, сев. çû 'что'; южн. ki, сев. ki 'кто', ср. кл. перс. çî, ki; южн. kâmin, kâmin, сев. komin 'какой' (< *katâm + in, ср. кл. перс. kudâm); южн. çânâmi 'какой', сев. çendini 'который' (по счету), ср. кл. перс. çandum; южн. çân, сев. çen 'сколько', ср. кл. перс. çand.

Только в северном диалекте имеется вопросительное местоимение çûturlû (çû + заимствованный элемент turlû) 'какого рода, сорта, цвета' и т. п.

Местоимения çû и ki сходны по грамматическим признакам с существительными: они могут изменяться по падежам (объектн. п. южн. çÿrâ, сев. çÿrc; оруд.-комит. п. южн. çÿgâz, сев. çÿgevoz), принимать окончание мн. числа (южн. çÿhâ, сев. çÿho; южн. kihâ, сев. kiho) и сочетаться с притяжательной частицей en, образуя притяжательные комплексы: южн. ânçû, сев. ençû 'относящийся (принадлежащий) к чему', южн. ânki, сев. enki 'чей'. Те же формы могут иметь и другие вопросительные местоимения при их субстантивации.

НАРЕЧИЯ

Наречия времени: а) иранские: южн. imruz, сев. imruz 'сегодня', кл. перс. imruz; южн. imşey, сев. imşev 'сегодня вечером', кл. перс. imşab; южн. imsâl, сев. imisal 'в этом году', кл. перс. imsâl; южн. rârâhâ, reirihâ, сев. regi 'позавчера', кл. перс. ragî-; южн. râr, сев. ror 'в прошлом году', кл. перс. râr; южн. rîrâr, сев. rîror 'в позапрошлом году', кл. перс. rîrâr-; южн. deidi, сев. di 'вчера', ср. кл. перс. di-; южн. iruzindâgâ 'на следующий день'; южн. išovindâgâ (< *imşab na, digar...) 'на следующую ночь'; южн. hâmişâ, сев. hemişe 'всегда', кл. перс. hamîša; южн. hâruz < *hâr ruz, сев. herruz 'каждый день'; южн. ruşâ, сев. rušo 'раньше' (< *rêš°-); южн. hâbbâyâ (< *hâ bâ yâk bâr) 'вдруг'; сев. hemçum 'всегда' (< *ham çun?); б) арабские и производные от арабских: южн. sabaḥ, âsâbâḥin 'завтра', сев. sebaḥ 'утром'; южн. ävvâl, сев. evel 'сначала, раньше'; южн. bâ'dâ, сев. baqda 'потом'; сев. heysaḥat (< *he in saḥat) 'сейчас'; в) тюркские или заимствованные через посредство тюркских языков: южн. birdân, сев. birden 'вдруг', азерб. бирдэн; южн. çoxtan 'давно', азерб. чохдан; южн. hâlâlÿk 'пока', сев. helem 'еще, пока', азерб. халәлик; южн. hâl-hâzÿrdâ 'ныне', азерб. хал-хазырда.

Наречия южн. âşeÿdân 'утром', южн. âzudân 'рано', по-видимому, во второй части имеют тюркский аффикс местного падежа; в первой части соответственно *âz şab, *âz züd.

Неясна этимология южн. ÿzÿm, heizÿm 'сейчас' (hâ in zamân?).

Наречия места. В этой группе заимствований не зарегистриро-

вано: южн. *inǰä*, сев. *injo* 'здесь', кл. перс. *inǰā*; южн. *unǰä*, сев. *unjo* 'там', кл. перс. *ānǰā*; с выделительной частицей *hā*: южн. *heǰnǰä* 'вот здесь', *houǰnǰä* 'вот там'; южн. *beǰlä* 'в эту сторону' (< **ba in lab*); южн. *boǰlä* 'в ту сторону' (< **ba ān lab*); южн. *beǰvâragâ* 'в эту сторону' (< **bâ in vâg* + наречные суф. *â* и *-gâ*, возможно, < **digâr*); *boǰvâragâ* 'в ту сторону' (< **ba ān vâg*). Тот же элемент **vâg*, ср. кл. перс. *bag* в значении 'сторона, бок' в южн. говорн. *sivâgâ* 'сюда', *suvâgâ* 'туда'. Этимология элементов *si-*, *su-* неясна. К тому же элементу **vâg* восходит, очевидно, и суф. *-vâ* в наречиях: южн. *rušâvâ*, сев. *rušovo* 'вперед'; южн. *ršâvâ*, сев. *reševo* 'назад'; ср. южн. *rušâ*, сев. *rušo* 'перед'; южн. *rša*, сев. *reše* 'зад'; южн. говорн. *zigrâvâ* 'вниз', ср. *zigr* 'низ'; южн. говорн. *zâgruvâ* 'вниз', ср. *zâgru* 'вниз' (к **furū*, кл. перс. *furū* < **frot*); южн. говорн. *šivâvâ* 'сюда' (< *šinin + vâg?*), *šuvâvâ* 'туда'; южн. говорн. *zâvâgâ* 'вверх' (< **zavar* 'верх' + **vâg*, ср. кл. перс. *zabar*).

Вопросительные наречия: южн. *bâšâ*, *bâǰä*, сев. *eǰe* (< *ba jâ*) 'где, куда'; южн. *keǰ*, сев. *keu* 'когда', кл. перс. *kaū*; южн. *šānām* 'как'; сев. *šūtām* 'как'; южн. *âššâ*, сев. *eǰe* 'откуда' (< **az jâ?*); южн. *qeǰ*, сев. *qeu* 'почему'.

Наречия меры и степени: южн. *kām*, сев. *kem* 'мало', кл. перс. *kaṃ*, то же в сочетании с числительным *yâ*: южн. *yâ kām*, сев. *ye kem*; южн. *i(n)qādâ*, *u(n)qādâ*, сев. *inqada* 'столько' (< *in qadr*); южн. *xeǰli*, сев. *xaǰli* 'много', ср. кл. перс. *xeǰli*. Из тюркских языков или через их посредство заимствованы наречия южн. *bütün*, *bütöu*, сев. *bütün* 'целиком, полностью', азерб. *бүтүн*, *бүтөв*, южн. *lâr*, сев. *lap* 'очень', азерб. *лап*; южн. *yâman* 'много', азерб. *јаман*; южн. *tâميز*, *târ-tâميز* 'целиком', сев. *temis* 'чисто', *ter-temis* 'начисто' (из арабского через тюркские языки, ср. азерб. *тәмиз*, *тәр-тәмиз* в том же значении).

Неясно происхождение наречий южн. говорн. *qeǰ*, сев. *qai* 'много, очень' и южн. *bul*, сев. *mul* 'много'.

Наречия образа действия: а) иранские: южн. *šini* 'так'; южн. *âvaz*, *âvâz-gâ* 'снова' (ср. кл. перс. *bâz*; о *-gâ* см. выше); южн. говорн. *zu*, сев. *zu* 'быстро', ср. кл. перс. *zūd*; южн. *tāk*, сев. *tek* 'в одиночку', ср. кл. перс. *tak*; южн. говорн. *zu-zu*, сев. *zu-zu* 'очень быстро, часто', ср. кл. перс. *zūd-zūd*; южн. *yâvâš*, сев. *yo-voš* 'медленно', ср. кл. перс. *yāvâš*; б) арабские или производные от арабских: южн. *intâr*, *itâ* 'так' (< *in taug*); *intârz*, *intârzi* 'так' (< *in tarz*); южн. *qâsdân* 'нарочно'; южн. *mâxsusân* 'специально'; южн. *daimâ* 'постоянно' и многие другие; в) тюркские или заимствованные через посредство тюркских языков: южн. *bâšqâ*, сев. *başqa* 'иначе', азерб. *баşга*; южн. *genâ*, сев. *gene* 'снова', азерб. *женэ*; южн. *ümumi-yâtlâ* (< азерб.-араб. *үмүмијат* + азерб. послелог *илэ*); южн. *dâlbâdâl* 'друг за другом', азерб. *далбадал*; южн. *ânǰâq*, сев. *ânǰaq* 'только', азерб. *анчағ*; южн. *tâlâs-tâlâs* 'в спешке', азерб. *тэлэс-тэлэс*; южн. *älüstün* 'сразу', азерб. *элүстү* и т. д.

ГЛАГОЛ

Число простых глаголов в татском языке невелико — всего около 250 в южном диалекте, около 150 в северном. Прочие глаголы являются составными, т. е. представляют собой сочетание имени с тем или иным простым глаголом. Значительная часть таких глаголов в южном диалекте имеет в первой части заимствованное тюркское причастие на *-miş*, во второй части — глаголы *säxtän* 'делать' или *birän* 'быть, становиться': *udmiş säxtän* 'глотать' (азерб. *удмаг*), *solmiş birän* 'вянуть' (азерб. *солмаг*). Гораздо меньше таких глаголов в северном диалекте.

Составные глаголы других типов (с исконными или заимствованными элементами в первой части) равно употребительны в обоих диалектах: южн. *kälä birän* 'расти', южн. *šifin zägan* 'ржать', сев. *dumot soxte* 'думать', сев. *mešet bige* 'мешать', сев. *nav zeto* 'мычать' и т. п. Отметим, что первый элемент составного глагола может не иметь самостоятельного значения: южн. *gä säxtän* 'гнать', южн. *žig dāgan* 'рвать' и т. п.

Основы

Простые глагольные формы как личные, так и неличные образуются от двух четко противопоставленных друг другу основ — прошедшей или настоящей. Глагольные основы могут быть первичными или производными, в состав последних может входить одна из нижеследующих словообразовательных глагольных приставок: южн. *vâ-*, сев. *vo-* < *arāč, кл. перс. *bāz*; южн. *vä-*, сев. *ve-/va-* < *arag, кл. перс. *bag*; под действием вторичных фонетических факторов эти приставки контаминируются, так что с синхронной точки зрения можно говорить о фонетических вариантах одной приставки: южн. *vâ-/vä-*, сев. *vo-/ve-/va-*; южн. *dä-*, сев. *de-, da-, do-*; южн. *dūr-*, сев. *dīr-*; по-видимому, фонетическая дивергенция из *dar < *andar, ср. кл. перс. глагольную приставку *dar*; вариант *dūr-/dīr* только перед этимологическим *ā в анлауте: южн. *dūr-māgan*, сев. *dirmoge* 'входить', ср. кл. перс. *darāmadan*; южн. *dūr-vāgdän*, ср. кл. перс. *darāvardan*; южн. *fūr-*, сев. *fūr-* < *frot, кл. перс. *furgā*, южн. *fī-/fūr/fu-*, сев. *fu-*; этимология неясна.

К числу производных относятся также основы с каузативным суфф. *-un*, кл. перс. *-ān*.

Как и в кл. персидском языке основы прошедшего времени восходят к причастиям на **-ta*, отразившимся как *-t-* (после глухих согласных), *-d-* (после звонких), *-r-* (из **-t-* в интервокальной позиции). Основы настоящего времени восходят к древне- и средне-иранским основам настоящего времени и многообразны по типу соотношения с основами прошедшего времени. Большая часть основ либо имеет прямые материальные соответствия в кл. персидском языке, либо может быть понята как результат несколько отличного развития из общего-западного материала. Меньшая часть основ составляет специфику татского. Вероятно, часть из них —

архаизмы, не сохраненные кл. персидским, а часть отсутствовала уже в том диалекте юго-западноиранского, который лег в основу кл. персидского. Несколько отыменных основ представляют собой татские новообразования.

По типу соотношения между основами настоящего и прошедшего времени все простые глаголы можно разделить на четыре класса⁴.

I класс. Основа прош. вр. = осн. наст. вр. + суф. -ist (-üst, -ust); соответствуют по типу кл. персидским правильным глаголам на -istan. Большая часть этих глаголов непереходна: jüm- : jü-müst- 'двигаться'; vižär- : vižärist- 'вымирать' (от голода и т. п.); čär- : čärist- 'мяться, давиться' и т. д.

Несколько простых основ этого класса имеют производные приставочные соответствия: jei- : jeist- 'восходить' (о солнце) — väjei- : väjeist- 'танцевать'; bej- : beist- 'замерзать' — väbej- : väbeist- ibid.; čär- : čärist- 'пасться' — fičär- : fičärist- 'разрушаться'; хар- : хар-üst- 'чесаться' — fixar- : fixarüst- ibid.

Несколько глаголов вообще не имеет бесприставочных соответствий: fitar- : fitarüst- 'причесывать'; vatar- : vatarüst- 'мешать'; fisoč- : fisočüst- 'тереть'; fyläm- : fylämüst- (*fýrläm- : fýrlämüst) 'нагибаться'; fyčäm- : fyčämüst- 'скользить'; vâram- : vâramust- 'пугаться'.

Во многих случаях глаголам I класса в кл. персидском соответствуют глаголы с основой прош. вр. на -id: čär- : čärist 'пасться', кл. перс. čar- : čarid-; xänd- : xändist- 'смеяться', кл. перс. xand- xandid-; šyno- : šynoüst- 'слышать', кл. перс. šinav- : šanid-, šinavid-; dou- : doust- 'бежать', кл. перс. dav- : david-; хар- : харist- 'чесаться', кл. перс. хар- : харid-; varam- : varamust- 'пугаться', кл. перс. gam- : gamid-; pay- : payist- 'стоять', кл. перс. pay- : payid- 'быть стойким'; также в отыменных глаголах jäng- : jängist- 'сражаться', кл. перс. jang- : jangid-; läng- : längist-, кл. перс. lang- : langid- 'хромать'.

II класс. Основа прош. вр. = осн. наст. вр. + суф. -ir; по типу соответствуют кл. персидским правильным глаголам на -idan. Большая часть этих глаголов также непереходна. Примеры: tärs- : tärsir- 'бояться', кл. перс. tars- : tarsid-; pus- : pusir- 'гнить', кл. перс. püs- : pusid-; gas- : gasir- 'достигать', кл. перс. gas- : gasid-; dýš- : dýsir- 'доить', кл. перс. dūš- : dūšid- и т. п.

Несколько основ имеет приставочные пары: kăš- : kăšir- 'тянуть' — väkăš- : väkăšir- 'закатывать' (рукава и пр.); lărz- : lărzir- 'дрожать' — vâlărz- : vâlărzir- 'вздрагивать'; pič- : pičir- 'скручиваться' — varič- : varičir- 'ошибаться', ср. соответственно кл. перс. kaš- : kašid-, larz- : larzid-, pič- : pičid-.

⁴ Здесь рассматривается только материал южного диалекта, так как материал северного диалекта плохо известен; примеры из южного диалекта даются без диалектной пометы.

На правильные глаголы во всех классах в связи с недостатком места даются лишь отдельные примеры; их полный перечень см. [Грюнберг 1963, 53—58, 114—116].

Нижеследующие основы выступают только в осложненном приставками виде: *vāš-:vāšir-* 'сбегать' (о молоке); *väläš-:väläšir-* 'лизать', кл. перс. *līs-:līsīd-*; *dāgās-:dāgāsir-* 'зажигаться'; *daxīs-:daxīsīr-* 'мокнуть'; *vagaz-:vagazir-* 'пачкаться'.

Основа прош. вр. *gu(n)-:guftir-*, *kuftir-* является вторичным образованием того же типа от исконной основы прош. вр. **guft-*, ср. кл. перс. *guft-*.

III класс. Сюда мы относим все глаголы с основами прош. вр. несuffиксального образования, как переходные, так и непереходные. Внутри этого класса можно выделить несколько подгрупп.

1. Глаголы с основой прош. вр. на *-xt* имеют в южном диалекте основу наст. вр. с исходом на *-z*, реже *-s* или *-š* (как в кл. персидском языке); параллельно употребляются и основы наст. вр. с исходом на *x*; в северном диалекте этот вторичный тип основ полностью вытеснил исконный. Примеры: *duz-/dux-:duxt-*, сев. *dux-:duxt-* 'пить', кл. перс. *dūz-:dūxt-*; *suz-/sux-:suxt-*, сев. *sux-:suxt-* 'гореть', кл. перс. *sūz-:sūxt-*; *fūrš-/fūrx-:fūrxxt-*, сев. *fūrx-:fūrxxt-* 'продавать', кл. перс. *fūrūš-:fūrūxt-* и т. п.

Частичным исключением в южном диалекте является глагол 'делать', имеющий при основе прош. вр. *sāxt-/sāxt-* основу наст. вр. *sān* (и *sāz-/sāz-*); в северном диалекте он подчиняется общему правилу.

2. Глаголы с основой прош. вр. на *-ft* имеют основы наст. вр. на *-f* (как в кл. перс.): *bāf-:bāft-* 'ткать', кл. перс. *bāf-:bāft-*; *kuf-:kuft-* 'колотить', кл. перс. *kūf-:kūft-*. Исключением является глагол *gir-:gūft- < gīr-:girift-*, кл. перс. *gīr-:girift-* и производные от него *dāgir-:dāgūft-* 'покрывать, одевать' и *vāgir-:vāgūft-* 'брат'. У глаголов *raft-*, кл. перс. *raṭ-:raft-* 'уходить' и производного от него *daraft* 'входить' существующие стяженные формы не позволяют четко выделить основу наст. вр.

3. Глаголы с основой прош. вр. на *-št*, *-st* можно проиллюстрировать следующими примерами: *nūš-:nūšt-* 'садиться', кл. перс. *nišīn-:nišast-*; *varas-:varast-* 'кончать'.

Несколько глаголов этой группы имеет основу наст. вр. с конечным *-t* как в кл. перс.: *kār-:kāst-* 'сеять', кл. перс. *kār-:kāst-*; *dār-:dāst-* 'хранить, держать', кл. перс. *dar-:dašt-*; *gūrār-:gūrāst-* 'проходить', кл. перс. *guzar-:guzašt- < *vi-tāra-*; татская форма основы прош. вр. с *r < ḍ < t* более закономерна, чем кл. персидская.

К этой же группе можно отнести глагол *būrž-:būrūšt-* 'вариться', кл. перс. *bīrišt-* 'жарить' и производный от него *dābūrž-:dābūrūšt-* 'прилипать', а также глагол *gārd-:gāšt-* 'гулять, превращаться', кл. перс. *gard-:gašt-* и производные от него *vāgārd-:vāgāšt-* 'возвращаться', кл. перс. *bāz gašt-* и *dāgārd-:dāgāšt-* 'ложиться'.

Примеры глаголов этой группы с основами наст. вр. на *-s*, *-z*: *vāxiz-:vāxūšt-* 'вставать', кл. перс. *bar xīz-:bar xāst-*; *āmūz-:āmūšt-* 'мочиться', *gis-:gišt-* 'прясть'; в двух последних случаях татский сохранил более древние формы основ прош. вр., чем кл.

персидский, где основы этих глаголов вторичны, с суф. -īd, соответственно mīzīd- и rīsīd-.

Глагол *bāstān* 'связывать' и производный от него *dābāstān* 'запрягать' имеют соответственно основы наст. вр. *bānd-* и *dābānd-*, ср. кл. перс. *band-:bast-*.

4. Глаголы с основой прош. вр. на -rd, -nd имеют основы настоящего времени соответственно на -r, -n: *šun-:šund-* 'бросать', кл. перс. *šān-:šānd-* 'веять'; производный от него *vāšun-:vašund-* 'посыпать' (солью); *xâg-:xârd-* 'есть', кл. перс. *xug-:xurd-*; *mun-:mund-* 'оставаться', кл. перс. *mān-:mānd-* и производный от него *dāmun-:dāmund-* 'застрывать', кл. перс. *dar mand-*; *xun-:xund-* 'читать', кл. перс. *xān-:xānd-*; *bār-:bārd-* 'уносить', кл. перс. *bar-:burd-*; производный от него *dābār-:dābārd-* 'пускать воду в арык'; *gun-:gund-* 'царапать', кл. перс. *gān-:gānd-* 'спать' (?) и производный от него *vaḡun-:vaḡund-* 'выстригать'; *vākān-:vākānd-* 'вырывать', кл. перс. *bar kan-:bar kand-*; *šūmār-:šūmārd-* 'считать', кл. перс. *šumār-:šumurd-* и производный от него *vāšmār-:vāšmārd-* 'ругать' (< *bar šumar-*).

С некоторыми оговорками к этой же группе можно отнести глагол *âr-//ār//ār-* (< **āvar-*): *āvârd-* 'приносить', кл. перс. *āvar-//ār-:āvard-* и производные от него *dūrâr-:dūrvârd-* 'вынимать', кл. перс. *dar āvâr-:dar āvard-*; *fūrâr-:fūrvârd-* 'спускать', кл. перс. *furu āvar-:furu āvard-*, *vârâr-:vârvârd-* 'изрыгать', кл. перс. *bar āvar-:bar āvard-* 'извлекать'.

5. Глаголы с основой прош. вр. на -ir корневое имеют основу наст. вр. на -in: *čîn-:čîr-* 'стричь', кл. перс. *čîn-:čîd-* и производные от него *vāčîn-:vāčîr-* 'собирать', кл. перс. *bar čîn-:bar čîd-*; *dāčîn-:dāčîr-* 'складывать', *fičîn-:fičîr-* 'опадать' (о листьях); *vātin-:vātir-* 'толкать'. Глагол *ānjin-:ānjir-* 'крошить' должен быть, по-видимому, сопоставлен с кл. перс. глаголом *anjirdan* 'просверливать, пробуривать'.

6. Особую группу образуют глаголы *âftun-:âftâr-* 'падать', кл. перс. *uft-:uftād-*, и *âstun-:âstâr-* 'покупать', кл. перс. *sitān-:sitād-*.

7. Ни к одной из вышеперечисленных групп не может быть подключен ряд весьма употребительных глаголов: *ti-//tîn-:dâr-* 'давать', кл. перс. *dih-:dād-*, тадж. диал. *ti-:dod-*; *vin-dir-* 'видеть', кл. перс. *bîn-:dîd-*; *â-:âmâr-* 'приходить', кл. перс. *â-:âmad-* и производные от него *dūrâ-:dūrâmar-*, кл. перс. *dar â-:dar âmad-* 'выходить'; *fūrâ-:furmâr-* 'спускаться', кл. перс. *furu â-:furu âmad-*; *il-, bil-:nâr-* 'класть', ср. кл. перс. *nih-:nihād-* 'класть' и *hil-:hišt-* 'оставлять, отпускать'; *zân-:zâr-* 'бить', кл. перс. *zan-:zad-* и производные от него *vāzān-:vāzār-* 'подвешивать'; *tān-:tār-* 'устанавливать ткацкий станок', кл. перс. *tan-:tanid-* 'свивать, плести', производный от него *fitān-:fitār-* в составе глагола *kar fitārān* 'употреблять'; *kūn-:kârd-* 'coire', кл. перс. *kun-:kard-* 'делать' и производные от него *vākūn-:vākârd-* 'строить', *dākūn-:dākârd-* 'одевать' и *vākān-:vākârd-* 'открывать', кл. перс. *bāz kun-:bāz kard-*.

IV класс. Глаголы с производными основами наст. вр., образованными от непроеизводных с помощью каузативного суф. -ш, кл. перс. -ān по типу tārsun- : tārsund- 'пугать' от tārs- : tārsir- 'бояться', gasun- : gasund- 'доставлять' от gas- : gasir- 'достигать'. Общее количество таких глаголов, зарегистрированных в южном диалекте, около 60. Эти глаголы всегда переходны.

Как видно из вышеизложенного, в целом в татском представлены те же типы глагольных основ, что и в кл. персидском языке, хотя распределение материально сходных основ по типам несколько различно (соотношение I и II класса).

Личные окончания

Личные окончания, употребляемые для образования личных форм от основы настоящего времени в обоих диалектах, имеют следующий вид: ед. ч.: 1 л. южн. -ūm / -um, сев. -ūm / -um; 2 л. южн. -i, сев. -i; 3 л. южн. -ū / -u, сев. -ū / -u; мн. ч.: 1 л. южн. -im, сев. -im; 2 л. южн. -ind, сев. -it; 3 л. южн. -ünd / -und, сев. -ut. Для образования личных форм от основы прошедшего времени употребляются те же окончания, кроме 3 л. ед. ч., совпадающего с основой.

Личные окончания имеют, несомненно, то же происхождение, что и в кл. персидском. Незакономерным представляется сохранение конечного -t в окончании 2 л. мн. ч.; *-t должно было бы дать *-r с его последующим отпадением, как это, по-видимому, произошло в 3 л. ед. ч., где $\ddot{u} < *-r < *ēt$ или $< *at$; в последнем случае узкий гласный — по аналогии с другими окончаниями; огубленность — для устранения омонимии с окончанием 2 л. ед. ч. Возможно, что именно устранение омонимии и является причиной необычного развития в окончании 2 л. мн. ч., которое в противном случае совпало бы с окончанием 2 л. ед. ч. Сонорный п в окончании 2 л. мн. ч. южного диалекта, по-видимому, по аналогии с 3 л.; напротив, форма 3 л. мн. ч. северного диалекта утратила п по аналогии с 1 и 2-м лицом.

Помимо приведенных выше личных окончаний северный диалект имеет специальные окончания для формы оптатива (в южном диалекте этой формы нет): ед. ч.: 1 л. -om, 2 л. -oš, 3 л. -o; мн. ч.: 1 л. -oym, 2 л. -ošit, 3 л. -ošut. В этих окончаниях хорошо прослеживается долгий гласный *ā исторического конъюнктива, в средне- и классическом персидском языке имеющем продолжение только в 3 л. ед. ч., ср. ср.-перс. bavāt, кл. перс. bād от ср.-перс. bav- : bāt-, кл. перс. bāš- : būd- 'быть'. Что касается š в окончаниях 2 л. ед. ч., 2 и 3 л. мн. ч., то его происхождение неясно; возможно существует связь между этим š и вторичным š в основе наст. вр. кл. перс. budan 'быть'.

Глагол-связка

Глагол-связка имеет, подобно связке кл. персидского языка, а) полную форму: ед. ч.: 1 л. южн. histūm, сев. histūm; 2 л. южн. histi, сев. histi; 3 л. южн. hist(ū), сев. hist; мн. ч.: 1 л. южн.

Таблица 13

Основна настоящего времени		Основна прошедшего времени	
Аорист		Простое прошедшее	
Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число
1 л. южн. bāsum сев. bofum	1 л. южн. bāsim сев. bofim	1 л. южн. bāstum сев. boftum	1 л. южн. bāstim сев. boftim
2 л. южн. bāsi сев. bofi	2 л. южн. bāfind сев. bofit	2 л. южн. bāsti сев. bofti	2 л. южн. bāstind сев. boftit
3 л. южн. bāsu сев. bofu	3 л. южн. bāfund сев. bofut	3 л. южн. bāst сев. boft	3 л. южн. bāstund сев. boftut
Без приставки			
Будущее потенциальное		Пршедшее многократное	
Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число
1 л. южн. mibāsum сев. mibofum	1 л. южн. mibāsim сев. mibofim	1 л. южн. mibāstum сев. miboftum	1 л. южн. mibāstim сев. miboftim
2 л. южн. mibāsi сев. mibofi	2 л. южн. mibāfind сев. mibofit	2 л. южн. mibāsti сев. mibofti	2 л. южн. mibāstind сев. miboftit
3 л. южн. mibāsu сев. mibofu	3 л. южн. mibāfund сев. mibofut	3 л. южн. mibāst сев. miboft	3 л. южн. mibāstund сев. miboftut
С приставкой			

histim, сев. histim; 2 л. южн. histind, сев. histit; 3 л. южн. histund, сев. histut; б) краткую форму, совпадающую с личными окончаниями; в) отрицательную форму nistum, nisti и т. п.; г) вопросительную форму kistum, kisti и т. п. (только в южном диалекте; в северном сочетание вопросительного местоимения со связкой не образует единого слова).

Простые личные глагольные формы

От основы настоящего времени в обоих диалектах образуются три простые глагольные формы: императив (специальная форма существует только во 2 л. ед. ч.), аорист и будущее потенциальное. От основы прошедшего времени образуются формы прошедшего простого и прошедшего многократного. В состав форм будущего потенциального и прошедшего многократного входит, помимо основы и личных окончаний, приставка южн., сев. mi- / mū- / mi- (в зависимости от гласного основы, см. выше), ср. кл. перс. mi- < *hamē-.

Образование простых личных глагольных форм показано в табл. 13.

Отрицательные формы образуются присоединением отрицания южн. nā-, сев. ne-, которое в сочетании с преф. mi- в северном диалекте дает pi-.

Императив во 2-м лице ед. числа совпадает с основой настоящего времени, 2-е лицо мн. числа совпадает со 2-м лицом аориста. В качестве отрицания в императиве может употребляться как преф. nā-, так и преф. mā-, в северном диалекте только me-.

Парадигма спряжения опатива, специфичного для северного диалекта, имеет следующий вид: ед. ч.: 1 л. bofoṃ, 2 л. bofoš, 3 л. bofo; мн. ч.: 1 л. bofoṃ, 2 л. bofošit, 3 л. bofošut.

Система простых личных глагольных форм, общих для обоих диалектов, находит полное формальное соответствие в системе классического персидского языка и, несомненно, унаследована татским из юго-западной общности. Что касается форм опатива (из древнего конъюнктива), то они, возможно, составляли специфику того юго-западного диалекта, к которому восходит северный диалект татского, еще до его обособления; напротив, в весьма близких друг к другу формах языка, легших в основу южного диалекта и классического персидского языка, опатив представлял собой уже в то время реликтовое явление (как это показывает среднеперсидский материал; ср., впрочем, полную парадигму конъюнктива с окончаниями, восходящими прямо к окончаниям древнего конъюнктива, в среднеперсидских манихейских текстах).

Значения простых личных глагольных форм

Имея в целом общий с классическим персидским набор простых личных глагольных форм, татский несколько отличается от

него по кругу передаваемых ими значений⁵. Эти отличия несколько по-разному проявляются в южном и северном диалекте.

Аорист в южном диалекте по значению вполне аналогичен кл. персидскому аористу. В главном предложении он может иметь модальные значения повеления, пожелания, намерения (оптативная функция); он часто употребляется в вопросительном предложении. В придаточных предложениях цели, следствия, условия (если условие относится к будущему времени), временных, дополнительных, определительных придаточных предложениях он имеет значение сослагательного или условного наклонения. Он используется также в модальных оборотах со словом *gāgāk* (азерб. *kərk*): *gāgāk bāgām* 'я должен пойти'.

Сфера употребления аориста в северном диалекте уже, чем в южном, поскольку все оптативные значения (в главном предложении) передаются формами оптатива. Аорист функционирует в вопросительном предложении, а также в придаточных предложениях и модальных оборотах, где его функции сходны вполне с функциями аориста в южном диалекте (а, следовательно, и в кл. персидском).

Будущее потенциальное, как уже было указано, формально соответствует настояще-будущему времени кл. персидского. Южный диалект, уже после выделения его из юго-западной общности, развил специальные аналитические по происхождению формы настоящего и будущего категорического (в чем, несомненно, сыграло значительную роль воздействие тюркских языков, имеющих две формы будущего времени [Грюнберг 1961₁, 15 сл.], см. также ниже). За описываемой формой закрепились модальные значения возможности, сомнения, предположения, неуверенности, иногда намерения, желания. Оно может обозначать будущее время или иметь вневременное значение, причем последнее можно рассматривать как унаследованное из среднеиранского прототипа; приглагольная частица **hamē* > *mī*- могла иметь значение 'всегда, постоянно', ср. ср.-перс. *hamē*. Примеры: *fārsi āz tū xubtā mūdūnū* 'он, должно быть, лучше тебя знает персидский'; *bā yā sāl-iš xub nāumbāšū* (< *nāmibāšū*) 'она, наверное, и за год не выздоровеет'; *vālāmūgā bā ās mūtund* 'велемир (трава) дают лошадям'.

Будущее потенциальное употребляется также для обозначения обусловленного действия, в частности, в аподосисе условного периода (в протасисе обычно стоит аорист): *āgār bāgām — mīyār-pūt* 'если я пойду — принесу'. В части южных говоров может употребляться в связном повествовании: *yāki umbāšū, yāki nāumbāšū, yā rādšāh umbāšū* 'было—не было — был один царь'.

В северном диалекте нет второй формы будущего времени (возможно, в связи с менее интенсивным тюркским воздействием),

⁵ В связи с недостатком места здесь и далее примеры на употребление глагольных форм приводятся только в тех случаях, когда они не имеют формального соответствия в классическом персидском, или когда при наличии формального соответствия имеется существенное различие в их функциях. Детальное описание функций глагольных форм южного диалекта см. [Грюнберг 1963₂, 72—105].

но также существует аналитическая форма настоящего. Описываемая форма объединяет как вышеуказанные модальные значения, так и нейтральное значение будущего времени изъявительного наклонения. Примеры: *seg gušt sege ni xuru* 'собака не станет есть мясо собаки'; *derd buho odomi ombor gof misoxu* 'человек, имеющий горе, много говорит'; *bura ni nivegesu* 'отрезанный хлеб не склеится'; *eger buram — miyogum* 'если пойду — принесу' и т. п.

Императив имеет обычные значения в обоих диалектах; в северном диалекте для части из них возможно параллельное употребление оптатива (см. оптатив).

Простое прошедшее по значению, по-видимому, вполне аналогично соответствующей форме кл. персидского языка. Оно имеет, как правило, изъявительное значение, обозначая законченное однократное действие, реже последовательность однократных действий. Неизъявительное значение оно имеет в условных временных, уступительных и некоторых видах дополнительных и определительных предложений, и в этих случаях всегда допускает замену аористом: южн. *ägär ävârdÿm = ägär biyârdÿm* 'если принесу' и т. п.

Прошедшее многократное имеет две четко различающихся группы разнородных случаев употребления. Во-первых, оно употребляется в обоих диалектах в аподосисе ирреального условного периода, имея, таким образом, неизъявительное значение: южн. *ägär dânistân bürgÿm miâmârgÿm* 'если бы я знал — пришел бы'; в северном диалекте оно употребляется также и в протасисе условного периода: *eger midanustum — miomogum* 'если бы я знал, я бы пришел'. Во-вторых, в южном диалекте оно употребляется для обозначения действия, многократно повторявшегося в далеком прошлом (русск. 'бывало ходил' и т. п.): *bä Suraxani immârgund (< miâmârgund) ziyârât misâxtund* '(парсы) бывало совершали паломничество в Сураханы'. В северном диалекте может обозначать любое длительное или многократное действие в прошлом: сев. *kimi ruzho e sebahmunde ofto mevediramo, kolxozihö šor bire miraftÿt e boqo, ye-dÿ sa'at kar misoxtÿt, ye bo-ge miomo saylov mirixt, xalqe ez kor lov misoxt* 'иногда рано утром, когда вставало солнце, колхозники, радуясь, шли в сады, час-два работали; другой раз шел ливень и разгонял людей с работы'.

Таким образом, в северном диалекте употребление этой формы вполне аналогично употреблению соответствующей формы прошедшего длительного в кл. персидском языке; в южном диалекте сфера употребления прошедшего многократного сильно сужена, что связано с наличием в этом диалекте аналитических форм прошедшего условного и прошедшего длительного (см. соответствующие разделы).

Оптатив (только в северном говоре) употребляется для выражения различных оттенков пожелания: *eri nebiregorho-š gordo!* 'ilho uÿgä e qijoq vegiroš! imu-š šorihö vinoym, e 'arisi šu-š xugom! 'чтоб радость была и у тех, у кого ее не было! И чтобы тебе взять на руки его детей! Чтобы нам увидеть радость, и чтоб мне выпить на их свадьбе!'

Неспрягаемые формы глагола

Глагольные имена (неспрягаемые формы глагола) образованы от основы прошедшего времени:

Наименование формы	Южн. диалект	Сев. диалект
Причастие	bâftä	bofte
Инфинитив	bâftän	boften
Герундив	bâftäni	bofteni
Имя деятеля	bâftägâr	boftegor
Абсолютив	mibâftäni bâbâftäni	—

Отрицательные формы всех глагольных имен образуются с помощью префикса южн. *pä-*, сев. *pe-*.

Из числа приведенных в таблице форм инфинитив, причастие и герундив унаследованы из юго-западной общности. Имя деятеля — общетатское образование с суф. **-kär*, применявшимся в юго-западной общности для образования имен деятеля от именных основ, ср. ср.-перс. *-kär*. Абсолютив является новообразованием южного диалекта татского языка; формы с *mi-* употребительны в центральных говорах этого диалекта, с *bä-* — во всех прочих.

Значение неличных глагольных форм

Инфинитив в целом сходен по значению с соответствующей формой классического персидского, отличаясь от нее большей способностью присоединять к себе пояснительные слова и образовывать внутри предложения замкнутую синтаксическую группу — инфинитивный оборот со своим подлежащим, дополнениями и обстоятельствами.

Этот оборот в целом может быть в предложении подлежащим, именной частью сказуемого, обстоятельством; при этом он может принимать падежные окончания, оформляться предлогами (южн. *bä, tä, äz, bei // bäri*, сев. *e, te, ez, eri*) и послелогами (южн. *kimi, bädä, gürä jä // jigä*, сев. *-ki, -de*), а также союзом сев. *ge*. Такого рода инфинитивные обороты особенно характерны для южного говора, где их широкое распространение является, несомненно, одним из частных проявлений интенсивного тюркского влияния на татский синтаксис [Грюнберг 1961, 1, 15—19]. Примеры: южн. *ârâbjä yâzmiš säxtänä bätäni?* 'Ты умеешь писать по-арабски?'; южн. *tä bā män âmârän*, сев. *te me omoge* 'пока я приду'; южн. *muu suxtän kimi* 'как только сгорел волосок'; южн. *bei maqarä raftän*; сев. *e muqore eri rafte* 'чтобы пойти в пещеру'; *yä kām fikirläšmiš birän bädä* 'немного подумав'; южн. *ä târiki birän gürä* 'так как было темно'.

Инфинитивные обороты с суффиксальными послелогами *-de* (< **andar*), *-ge* (контаминация **gäh* и **agar* < **hakar* и *ki*, ср.

кл. перс. *ki*), специфичные для северного говора, соответствуют по значению абсолютным оборотам южного говора: *Neḥum e Nalčik biren-de...* 'когда Нехум был в Нальчике...'; *kimihō sÿftem dÿren-ge raḡovoze...* 'некоторые, когда впервые увидели паровоз...'; *Gÿlone e xÿšte dÿromoren-ki* 'когда Гюльдан пришла в себя...' Помимо инфинитивных оборотов, инфинитив употребляется в составе словосочетаний с глаголами южн. *râyistân*, сев. *poiste* 'стоять'; южн. *nÿštân*, *nÿšte* 'садиться'; южн. *bâstâmiš sâxtân* 'начинать' (все виды словосочетаний с этими глаголами имеют значение начинательности), южн. *xastân*, сев. *xoste* 'хотеть', южн. *dÿnÿstân*, сев. *danuste* 'мочь', южн. *birân*, сев. *bire* 'быть', южн. *nârân / hištân*, сев. *nore / hište* 'разрешать, позволять'. Примеры: южн. *royist bā kâr sâxtân*, сев. *poist kor soxte* 'начал работать'; южн. *râftân buxastân*, сев. *raxte xoste* 'хочет идти'; южн. *nâmdÿnÿm*, сев. *nidanum poiste* 'не могу оставаться'; южн. *nâmbirân gÿrâštân*, сев. *nebire girošte* 'невозможно пройти'; южн. *nânâgei xundân*, сев. *nanorei kunde* 'не дал учиться' и т. п.

Причастие, в зависимости от контекста, может иметь как активное, так и пассивное значение. Вместе с относящимися к нему словами причастие образует причастный оборот, обладающий известной целостностью в составе предложения. Чаще всего причастный оборот может рассматриваться как определение к последующему имени. Он имеет, однако, различное значение в зависимости от переходности глагола и семантики членов словосочетания. Причастные обороты с переходным глаголом могут быть активными (южн. *čây âvârdâ zân*, сев. *čoy ovurde zen* 'женщина, принесшая чай') или пассивными (южн. *zân âvârdâ čây*, сев. *zen ovurde čoy* 'чай, принесенный женщиной'). В южном диалекте причастные обороты с непереходным глаголом также могут быть двух типов в зависимости от того, какой из членов определительного словосочетания с причастием обозначает логический субъект, ср. южн. *saralmiš birâ vâlgha* 'пожелтевшие листья' и южн. *bâqqal fÿguxtâ jugâ* 'место, где торговал плешак'; южн. *qušây-i lar kučig birâ bÿz* 'коза, у которой очень маленькие уши'. Обороты второго типа (с субъектом в составе причастного оборота), по-видимому, обязаны своим широким распространением в южном диалекте тюркскому влиянию; в северном диалекте они неупотребительны. С другой стороны, в северном диалекте причастие употребляется, подобно причастию прошедшего времени в классическом персидском, в адвербиальном значении: *xayli šev rafte, qunoqho soqboi guftire, e sahibxuneho ser zere vadaraftenÿt* 'поздно ночью гости, поблагодарив, поклонившись хозяевам, ушли'; *ez gofhoÿ šÿver 'âsi bire, Boži mugu...* 'устав от слов мужа, Божи говорит...'

Герундив обычно имеет модальные значения намерения и долженствования. Подобно причастию, герундив не различает залога: южн. *âvârdâni*, сев. *ovurdeni* 'тот, который должен принести; то, что должно быть принесено'. Герундив может употребляться атрибутивно, в качестве определения к существительному, и предика-

тивно — с личными формами глагола южн. *birān*, сев. *bire* 'быть'; последние придают предикативному сочетанию в целом соответствующую временную и модальную характеристику: южн. *bā šy-vār raftāni vāxt sun gŷrāštei*, сев. *e šyver rafteni vaxtišu, girašte* 'прошло их время выходить замуж'; южн. *mān deidi bā Altı-Ağaj raftāni bŷgŷm* 'вчера я собирался ехать в Алты-Агач'; сев. *me di e Nalçik rafteni bŷgŷm* 'вчера я собирался ехать в Нальчик'.

В центральном говоре южного диалекта отмечено употребление герундива в сочетании с простым прошедшим временем глагола *birān* в аподосисе условного периода: *mān nābirān bŷgŷm — i mŷgdāni bu* 'если бы меня не было, он бы обязательно умер'.

Имя деятеля обозначает лицо, совершающее (совершившее, имеющее совершить) то или иное действие: южн. *dirāgar*, сев. *dirigor* 'тот, кто видит (видел, увидит)'. Подобно инфинитиву, имя деятеля обладает как глагольными, так и именными свойствами. Оно может иметь при себе дополнения (прямое и косвенное), всевозможные обстоятельственные слова. Вместе с этими словами имя деятеля образует особый оборот, выступающий в тех же синтаксических функциях, что и существительное: оно может быть подлежащим, именной частью сказуемого, прямым или косвенным дополнением, обращением, определением в приыжательных конструкциях; соответственно имя деятеля может стоять в объектном или орудийно-комитативном падеже, сочетаться с приыжательной частицей южн. *ān*, сев. *en*, принимать показатели числа и т. п.: южн. *nāxundāgār hiç bir ŷei nāmdŷnŷstān* 'тот, кто не учится, ничего не знает'; южн. *heivānhārā zuhun ŷunā dŷnŷstāgārā gārāk āfi* 'ты должен найти человека, знающего язык этих зверей'; сев. *vezeistegorho ez meidu vadarafdŷt ki, zeregorho zerege royundŷt ki serpoi kŷnd bire e ki Bobu mugu...* 'когда танцующие вышли из круга и играющие перестали играть, распорядитель, приблизясь к Бобу, говорит...'.

Абсолютив южного диалекта выступает в качестве ядра абсолютивного оборота, который может включать в себя и разного рода обстоятельственные и дополнительные слова. В целом абсолютивный оборот выполняет в предложении функцию обстоятельства времени, обозначая действие, одновременное с действием сказуемого, выраженного глаголом в личной форме: южн. центр. гов. *ā diŷ mun migŷrāštāni...* 'когда (ты) проходил (проходишь, будешь проходить) через нашу деревню...', южн. *āftā bājeistāni* 'когда восходит (взошло, взойдет) солнце...'.

Абсолютивным оборотам южного говора в северном соответствует оборот «инфинитив + суффиксальный послелог (-de, -ge, -ki)».

Сложные глагольные формы

От причастия образуются формы перфекта и преждепрошедшего времени в обоих диалектах и форма прошедшего предположительного в северном диалекте, см. табл. 14 (южн. *bāftān*, сев. *bofte* 'плести, ткать').

Таблица 14

Число	Лицо	Перфект	Преждепрошедшее	Прошедшее предположительное
Единственное	1	ю. bâftâm с. boftém (*bâfta-am)	ю. bâftâ bÿrÿm с. boftâ bÿrÿm	с. bofté bošum
	2	ю. bâftâ-y-i bâftâi с. boftéi	ю. bâftâ biri с. bofté biri	с. bofté boši
	3	ю. bâftéi bâftâ-y-ÿ bâftây с. boftéy	ю. bâftâ bu с. bofté bu	с. bofté bošu
Множественное	1	ю. bâftâ-y-im bâftéim с. boftéym	ю. bâftâ birim с. bofté birim	с. bofte bošim
	2	ю. bâftâ-y-ind bâftéind с. boftéyt	ю. bâftâ birind с. bofté birit	с. bofté bošit
	3	ю. bâftând (*bâfta-and) bâftóund с. bofté-y-ÿt	ю. bâftâ bÿrund с. bofte bÿrÿt	с. bofte bošut

Перфект представляет собой по происхождению сочетание причастия с краткой формой связки; в обоих диалектах наблюдается тенденция к превращению этой сложной формы в простую, что внешне проявляется в наличии стяжений, различных по диалектам и по говорам в пределах одного диалекта.

Преждепрошедшее время состоит из причастия и простого прошедшего времени глагола южн. bigän, сев. bige 'быть'.

Прошедшее предположительное северного говора является сочетанием причастия с аористом глагола bige 'быть'.

При отрицании сложные глагольные формы на базе причастия принимают префикс южн. pä-, сев. пе-.

Все представленные в таблице формы находят прямые аналогии в классическом персидском и таджикском языках в формах перфекта, преждепрошедшего (илюсквамперфекта) и прошедшего предположительного (прошедшего времени сослагательного наклонения), в связи с чем с большой вероятностью можно предполагать, что они унаследованы в этих языках из одного источника; об этом

косвенно свидетельствует и тип стяжения в 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. большинства говоров южного диалекта, где естественнее предположить в окончании $\hat{a} < *a + *a$, чем $\hat{a} < *ä +$ более позднее \ddot{y} , u ; стяжение $*ä + *u$ зарегистрировано в говорных формах типа *raftound* южного диалекта, возможно, более поздних, но возникших по старой модели; такое воспроизведение этих аналитических форм по старой аналитической модели можно, впрочем, предполагать и для всех нестяженных форм, в частности, для 3 л. мн. ч. северного диалекта.

От инфинитива образованы настоящее время в обоих диалектах, а также прошедшее условное и прошедшее длительное в южном диалекте.

Настоящее время в северном диалекте представляет собой сочетание инфинитива с личными окончаниями (из краткой формы связки), кроме 3 л. ед. ч., имеющего то же окончание $-i$, что и 2 л. ед. ч.; в южном диалекте в состав этой формы входит также

Т а б л и ц а 15

Число	Лицо	Настоящее	Прошедшее длительное	Прошедшее условное
Единственное	1	ю. <i>bäbâftäným</i> ю. ц. <i>mibâftäným</i> с. <i>boftenum</i>	ю. <i>bäbâftän bÿrÿm</i> ю. ц. <i>mibâftän bÿrÿm</i>	ю. <i>bâftän bÿrÿm</i>
	2	ю. <i>bäbâftäni</i> ю. ц. <i>mibâftäni</i> с. <i>bofteni</i>	ю. <i>bäbâftän biri</i> ю. ц. <i>mibâftän biri</i>	ю. <i>bâftän biri</i>
	3	ю. <i>bäbâftän</i> ю. ц. <i>mibâftän</i> с. <i>bofteni</i>	ю. <i>bäbâftän bu</i> ю. ц. <i>mibâftän bu</i>	ю. <i>bâftän bu</i>
Множественное	1	ю. <i>bäbâftänim</i> ю. ц. <i>mibâftänim</i> с. <i>bofténim</i>	ю. <i>bäbâftän birim</i> ю. ц. <i>mibâftän birim</i>	ю. <i>bâftän birim</i>
	2	ю. <i>bäbâftänind</i> ю. ц. <i>mibâftänind</i> с. <i>boftenit</i>	ю. <i>bäbâftän birind</i> ю. ц. <i>mibâftän birind</i>	ю. <i>bâftän birind</i>
	3	ю. <i>bäbâftänund</i> ю. ц. <i>mibâftänund</i> с. <i>bofténut</i>	ю. <i>bäbâftän bÿrund</i> ю. ц. <i>mibâftän bÿrund</i>	ю. <i>bâftän bÿrund</i>

Отрицательные формы образуются с помощью преф. ю. *pä-*, с. *ne-*.

преф. *bä-* (для большинства говоров) или *mī-* / *mū-* / *mi-* (для центрального говора), а 3 л. ед. ч. не имеет окончания.

Прошедшее условное южного диалекта состоит из инфинитива и простого прошедшего времени глагола *birān* 'быть'.

Прошедшее длительное отличается от вышеуказанной формы наличием перед инфинитивом преф. *bä-* (для большинства говоров) и *mī-* / *mū-* / *mi-* (для центрального говора). Образование сложных глагольных форм с помощью инфинитива показано в табл. 15 (ю. *bāftān*, с. *baftē* 'плести, ткать').

Представленные в таблице 15 формы являются аналитическими новообразованиями татского; они не находят прямой аналогии ни в классическом персидском, ни в таджикском языках. При этом они в значительной степени уже потеряли свой аналитический характер. Во всех диалектах и говорах связка превратилась в личное окончание. Если значение сложных форм настоящего и прошедшего длительного легко выводимо из значения составных частей в большинстве говоров южного диалекта, то сложнее установить связь по значению между целым и его частями в форме настоящего времени северного диалекта, в формах прошедшего условного южного диалекта и в формах настоящего и прошедшего длительного центрального говора южного диалекта, где, по-видимому, под влиянием простых форм будущего потенциального и прошедшего многократного на месте преф. *bä-* < предлог **pat* появляется преф. *mī-*.

Обращает на себя внимание значительно большая распространенность форм от инфинитива в южном диалекте (3 формы) по сравнению с северным (1 форма). Это обстоятельство может быть поставлено в связь с наблюдаемой в южном диалекте общей тенденцией к перестройке глагольной системы по азербайджанской модели, так что каждая татская глагольная форма находит себе четкое и однозначное соответствие азербайджанской [Грюнберг 1962₂].

Только в южном диалекте зарегистрированы специальные формы будущего времени. В большинстве говоров они представляют собой сочетание неизменяемой частицы *bās(t)ān* < **bayistān*, ср. кл. перс. *bāyad*, с аористом смыслового глагола: *bās(t)ān bāfum* 'я буду плести', *bās(t)ān bāli* 'ты будешь плести' и т. п. В центральном говоре будущее время представляет собой стяженное сочетание герундива с краткой формой связки: ед. ч.: 1 л. *bāftānīm*, 2 л. *bāftāni(y-i)*, 3 л. *bāftānū*; мн. ч.: 1 л. *bāftānim*, 2 л. *bāftānind*, 3 л. *bāftānund*.

В различных говорах южного диалекта зарегистрированы различные формы будущего-прошедшего типа *bāsān bāftān būgūm* (сочетание *bāsān* с прошедшим условным смыслового глагола) либо *bāsān bu bāfum* (*bāsān* + 3 л. ед. ч. простого прош. вр. глагола *birān* 'быть' + аорист смыслового глагола). В центральном говоре как форма будущего-прошедшего может рассматриваться форма герундив + простое прошедшее от глагола *birān* 'быть' (см. выше).

Значения форм, образованных от причастия, сходны в обоих диалектах и в основных чертах те же, что в классическом персидском и таджикском языках.

Перфект имеет результативное значение: южн. *xāzināgā bā fylan jūgā rānā sāxtā-yim* 'мы спрятали казну в таком-то месте'; *āmāgim, dirim ki Qizqayit burāni būrżundej* 'мы пришли и увидели, что Гызгайит сварила тыкву'; сев. *čytam tū e boq daraftei?* 'как ты вошел в сад?'. Перфект может также употребляться в предложениях, представляющих собой логическое заключение, вывод или являющихся передачей с чужих слов; в южном диалекте нередко в этих случаях после перфекта ставится заимствованная модальная частица *miš*. Примеры: южн. *rāftūm bā Kəhnā-qučči, dūgūm ki hāqiqātān yā xubā di birej* 'я поехал в Кёйнекуччи, вижу, оказывается, и в самом деле это хорошая деревня'; южн. *bā dārīn-i isīq āftārej miš, xird sāxtei miš* 'внутри него, оказывается, попал свет и испортил его'; сев. *eki birei, eki nebi-rei, e merd e ze birei* 'было — не было, были (говорят), мужчина и женщина'.

Значения преждепрошедшего времени сходны со значениями перфекта, однако они отнесены к определенному моменту в прошлом: южн. *bā byār mān āftā ki tāpānjā qeirmiš sāxtā būrūm*, сев. *e yer me omo ki eri xište tāpānje soxte būrūm* 'я вспомнил, что (еще раньше) смастерил себе пистолет'; южн. *dārzi bāri mān yā dās kārāslī duxtā bu, ānjāq gudā dūrāmā* 'портной сшил мне одежду, но она оказалась короткой'.

Прошедшее предположительное северного диалекта, подобно аналогичной форме классического персидского языка, употребляется в тех случаях, когда выражается сомнение относительно достоверности факта, имевшего место в прошлом, или высказывается некое предположение по отношению к прошлому: сев. *qālāt birā bošum* 'я, наверное, ошибся'; сев. *xunde boši u koqoze* 'ты, наверное, читал это письмо'.

Настоящее время имеет обычные значения в обоих диалектах; оно может обозначать действие, происходящее в момент речи, ряд действий, регулярно происходящих при наступлении соответствующих условий, постоянно длящееся действие: южн. *in-e, xār šmun āmāgān* 'вон идет ваш осел'; *in duxtā bā birinji sinif bāxundān* 'эта девочка учится в первом классе'; южн. *mān sātā zuhun bāstānūm*, сев. *me se zuhun danūstenūm* 'я знаю три языка'.

Прошедшее длительное южного диалекта обозначает действие, длившееся в определенный момент в прошлом, последовательность однородных действий, происходивших постоянно или в течение длительного времени, и, наконец, действие, непрерывно длившееся в течение того или иного отрезка времени в прошлом: центр. *in sxānhayā kutrān-kutrān qāri migireistān bu* 'говоря эти слова, старуха плакала'; *nā bādā* 'только бы не, не дай бог'; *avvāl nu xārdān birind, bādā raftān birind* 'сначала бы надо вам было по-

есть, а потом (уже) уходить'; *kāškā mān nāraftān būrym bā'ārsi* 'о, если бы я не ходил на свадьбу'; *nābādā sā mānāt dārān birim* 'не дай бог, дали бы (им) три рубля. . .'

В придаточном условном предложении прошедшее условное употребляется, когда условие является невыполнимым, в частности когда оно относится к прошедшему времени; сказуемое главного предложения, — как правило, глагол в форме прошедшего многократного, реже также в форме прошедшего условного: южн. *pul bā jib mān birān bumiduardūm, midārūm* 'если бы у меня в кармане были деньги — я бы вытащил и дал'; *yā ās birān bu — vaširān būrym* 'была бы лошадь — я бы на нее влез'.

В сочетании с неизменяемым словом *gārāk* прошедшее условное образует обороты долженствования для прошедшего времени: южн. *gārāk astarān birim* 'мы должны были взять'.

Будущее категорическое время южного диалекта во всех говорах имеет сходное значение: оно употребляется для сообщения о факте, который, с точки зрения говорящего, несомненно, произойдет в будущем, причем иногда также с модальным оттенком долженствования: южн. *mān bāstān baram bā yšā, yā kām jir vāšūnūm, biyāgūm* 'я пойду (должен пойти) в лес, соберу немного диких груш'; центр. *yā ruz birāny, Iskāndār bei šāhār padšah birāny* 'наступит день, Искандар (обязательно) станет царем в этом городе'.

Будущее-прошедшее южного диалекта обозначает неосуществившееся намерение, желание или возможность (см. выше): южн. *mān bāstān bā xunā amarān būrym, čašmiš biram, raftam bā goudun* 'я хотел попасть в дом, заблудился и попал в конюшню'; южн. *mān bāsān bei tū ādāmi fyrsārān būrym, tū hā xištān tū amagi* 'мне следовало послать за тобой кого-нибудь, а ты сам пришел'.

Залоги

Переходный глагол различает три ряда залоговых личных форм: формы действительного, повелительного (только в южном диалекте) и страдательного залогов.

Формы повелительного залога образуются из причастия смыслового глагола и соответствующей формы глагола южн. *sāxtān*. Повелительный залог означает, что действие совершается субъектом через посредство какого-либо другого лица: южн. *avardā sāxtūm* 'сделал принесенным', т. е. 'заставил, велел, попросил принести'. Если есть необходимость указать, через чье посредство совершено действие, в состав предложения включается существительное или местоимение с предлогом южн. *bā*: *mān bā i avardā sāxtūm* 'я принес при его посредстве' (т. е. 'поручил ему, приказал' и т. п.).

Повелительный залог от непереходных глаголов употребляется весьма редко, так как для транзитивации непереходного глагола, как правило, применяется суф. *-un*, производящий каузативные основы.

Формы страдательного залога образуются из причастия смыслового глагола (переходного) и глагола южн. *biḡān* 'быть, становиться', сев. *omoge* 'приходить' в соответствующей форме: южн. *aš sāxtā birei* 'плов приготовлен'; южн. *imnā bā rayon mič xubā xalčā baftā ābirān* 'в нашем районе ткутся хорошие ковры'; сев. *e Nalčik xube xolčeho boftā omoge* 'в Нальчике ткутся хорошие ковры'. При формах страдательного залога деятель обычно не указывается, имеющиеся исключения могут быть объяснены влиянием книжного азербайджанского или классического персидского языка.

В глагольных именах залоговое деление проведено непоследовательно: в значениях понудительного и страдательного залога могут употребляться те же формы, что и в действительном залоге [Грюнберг 1963₁, 104—106].

Если сравнить глагольные системы обоих диалектов татского языка друг с другом, а также с глагольной системой классического персидского языка, то можно констатировать, что по составу и значению сложных форм северный диалект татского ближе к классическому персидскому, чем южный. Так северный диалект, подобно классическому персидскому, имеет три сложные формы, образованные от причастия, в то время как южный всего две — перфект и плюсквамперфект. С другой стороны, в южном диалекте имеется три новообразованных формы от инфинитива, отсутствующие в классическом персидском, в северном — лишь одна, настоящее время. Отсутствует в северном диалекте также специальная форма будущего категорического, представленная в различных говорах татского материально различными формами, и формы понудительного залога.

Причина столь больших расхождений между диалектами, а также между южным диалектом, с одной стороны, и северным диалектом и классическим персидским, с другой, заключается в том, что последние сохранили в значительной степени неизменной унаследованную систему, в то время как в южном диалекте она подверглась сильному изменению. Важнейшим фактором, способствовавшим перестройке глагольной системы южного диалекта, явилось тюркское влияние, причем в системе сложных форм имела место как формальная, так и смысловая перестройка, а в системе простых форм, очевидно, только смысловая [Грюнберг 1962₂].

ПРЕДЛОГИ

Простые предлоги татского находят себе прямые формальные и функциональные соответствия в классическом персидском языке.

Южн. *bā*, сев. *e*, ср. ср.-перс. *pat*, кл. перс. *ba*; незакономерное выпадение начального **b* в северном диалекте (так же, как в предлоге *eḡi*, см. ниже) не поддается удовлетворительному объяснению. С прямым падежом существительного употребляется при обозначении направления действия (как в пространственном, так и в отвлеченном смысле), местонахождения предмета, места

совершения какого-либо действия, при обозначении времени: южн. *bā šāhār* 'в город(е)'; *bā i mārđ* 'этому человеку'; *sāhāt bā čarta* 'в четыре часа'; сев. *e xupe* 'в дом(е)'; *e šüver* 'мужу, замуж'. С орудийно-комитативным падежом употребляется для выражения совместности, орудийности, также в некоторых наречных оборотах: южн. *bā tŷ-r-az* 'с тобой'; *bā tävār-az* 'топором'; *bā zŷr-az* 'с трудом, едва'; сев. *e odomirevoz* 'с человеком'; *e zuhu-nevoz* 'языком'.

Южн. *ä, äz* (перед местоимениями), сев. *ez*, кл. перс. *az*, ср.-перс. *hač*; с прямым падежом употребляется при обозначении исходного пункта в пространстве и времени, материала, части целого, в трансгрессивном значении, при указании на происхождение предмета, причину какого-либо явления, при сравнении, иногда при обозначении принадлежности: южн. *ä ou* 'из воды'; *ä äyāli* 'с дерева'; *ä räš* 'из шерсти'; *ä māgārou* 'от коровы, у коровы'; *ä häftā deŷ* 'принадлежащий семи дивам'; сев. *ez pilokonho furamoreki* 'сходя по ступенькам'; *ez meŷdu vadaraŷdüt* 'вышли из круга'; *ez goŷhoŷ šüver assi bīre* 'устав от слов мужа' и т. п. С орудийно-комитативным падежом применяется при обозначении исходного пункта в пространстве и времени: южн. *ä deidi-ŷaz* 'со вчерашнего дня'; сев. *ez u ruzevoz* 'с того дня'.

Южн. *bei / bāri*, сев. *eri* < **rat + *gā-i(?)*, ср. кл. перс. *barāyi*, дар. *bari*, ср.-перс. послелог *gā*. Употребляется перед существительными и инфинитивами, обозначающими цель действия: южн. *bei xurāk* 'для пищи'; *bāri mān* 'для меня'; сев. *eri xupe* 'для дома'; *eri vozi soxte* 'чтобы играть'; *eri dŷl Xumore vorovunde* 'чтобы поднять настроение Хумор'.

Южн. *tā*, сев. *te* < **tāk*, кл. перс. *tā*, ср. ср.-перс. *tāx*. Употребляется для обозначения предела в пространстве и времени (в южном диалекте только в сочетании с предлогом *bā*, ср. кл. перс. *tā ba*): южн. *tā bā šahangum* 'до вечера'; сев. *te xupe* 'до дома'.

Соответствий кл. перс. предлогу *dar*, ср.-перс. *andar* в татском языке нет; предлог южн. *bā*, сев. *e* применяется, как уже было указано и как это имеет место во многих персидских и таджикских диалектах, для обозначения как направления, так и местонахождения.

Особняком стоят сложные по происхождению предлоги южн. *aqadā* (< араб.-перс. *az qadr-i*) и южн. *aqastā* (< араб.-перс. *az qasd-i?*); оба употребляются для выражения сходства, подобия и сочетаются с последующим существительным в определительной конструкции I типа: *aqadeŷ lāzgi* 'как лезгины'; *aqasteŷ Nŷhi* 'как Нухи'.

Обобщенные пространственные значения предлогов южн. *bā*, сев. *e* (направление, местонахождение) и предлога южн. *ä/äz*, сев. *ez* (исход) могут конкретизироваться с помощью особого рода служебных имен, выступающих как определяемое к последующему существительному. Сочетания этих предлогов со служебными

именами могут рассматриваться как составные предлоги (соответствующие классическим персидским изафетным предлогам).

Вышеуказанные служебные слова различны по своему происхождению. Часть из них представляет собой используемые как пространственные конкретизаторы знаменательные существительные, чаще всего с конкретно-вещественным значением; прочие можно назвать собственно служебными. Часть служебных слов исконно иранская, другая часть имеет иноязычное, в южном диалекте преимущественно тюркское, происхождение.

Служебные слова иранского происхождения: южн. *sār*, сев. *ser* 'поверхность, верх', кл. перс. *sar* ('голова'): южн. *bā sār*, сев. *e ser* 'на верх чего-либо', южн. *ā sār*, сев. *ez ser* 'сверху чего-либо', (ср. кл. перс. *ba sar-i, az sar-i*)⁶; южн. *zīr*, сев. *zīr*, кл. перс. *zīr* 'низ': южн. *bā zīr*, сев. *e zīr* 'вниз чего-либо, внизу чего-либо'; южн. *ru*, сев. *ru* 'поверхность' (букв. 'лицо'), кл. перс. *ru*: южн. *bā ru*, сев. *e ru* 'на поверхность чего-либо, на поверхности чего-либо'; южн. *dār*, *dārin*, сев. *der*, *derin* 'внутренность', кл. перс. *darīn*; южн. *bā dār(in)*, сев. *e der(in)* 'внутри чего-либо, внутрь чего-либо'; южн. *rušā*, сев. *rušo* 'перед; то, что находится перед чем-либо', ср. кл. перс. *riš* < **rēš*: южн. *bā rušeī*, сев. *e rušoū* 'впереди чего-либо'; южн. *ruša*, сев. *rese* 'зад; то что находится позади чего-либо', ср. кл. перс. *ras*; южн. *bā rušaū*, сев. *e reseū* 'за чем-либо'; южн. *lo* 'край, кромка', кл. перс. *lab* 'губа'; *bā loū* 'возле'; южн. *kun* 'нижняя часть, подножье, дно' (букв. 'зад как часть тела'), кл. перс. *kun*: *bā kun* 'у подножья чего-либо, под чем-либо'; южн. *tān* (в части говоров) употребляется преимущественно перед одушевленными существительными: *bā tān padšāh* 'к царю', ср. кл. перс. *tan*; сев. *zever* 'верхняя часть' (кл. перс. *zabar*): *e zever* 'над'; южн. *ruz* (букв. день, кл. перс. *rūz*): *bā ruz* 'вслед за чем-либо'; сев. *tovun* (кл. перс. *tāvān*): *e tovun* 'о'.

Служебные слова тюркского происхождения: южн. *yān*, сев. *yon* 'сторона' (азерб. *an*): южн. *bā yān*, сев. *e yon* 'возле, около'; южн. *ā yān*, сев. *ez yon* 'мимо'; южн. *qānšār*, *qāršān*, сев. *garši* 'перед' (азерб. *garшы*), южн. *bā qānšār* 'перед чем-либо', сев. *e garši* 'в чем-либо'; южн. *âgâ*, сев. *age* 'середина, промежуток' (азерб. *ара*): южн. *bā âgâi*, сев. *e age* 'между чем-либо, среди чего-либо'.

Служебные слова семитического происхождения: сев. *ḥad* 'предел' (араб. *ḥadd*): *e had* 'среди, в'; сев. *xotur* (араб. *xātir*): *e xatur* 'ради', *ez xotur* 'из-за'; сев. *xokūm* (< араб. *ḥukm*): *e xokūm* 'ради', *ez xokūm* 'из-за'; сев. *qīroḥ* (из др.-евр.): *e qīroḥ* 'к, около'; сев. *zoxut* (из др.-евр.): *e zoxut* 'ради'.

Неясны по происхождению служебные слова южн. *qâl* 'сторона, направление' (*bā qâl* 'к, в сторону') и сев. *kin* (*e kin* 'к').

⁶ В дальнейшем в целях экономии места примеры даются только на сочетаниях служебных имен с предлогом южн. *bā*, сев. *e*; исходя из них легко может быть понято значение сочетаний с предлогом *āz/ez*.

ПОСЛЕЛОГИ

Южн. *bä'dä*, сев. *be'do* (< араб. *ba'd* + суффикс) 'после'. В южном диалекте обычно в сочетании с предлогом *ä(z)*: *äz in ärsi bä'dä* 'после этой свадьбы'. При словах, обозначающих время, употребляется без предлога, но такое слово принимает постпозитивный формант *-gä* (< **digar*): *sä sal-gä bä'dä* 'через три года'. В северном диалекте употребляется без каких-либо дополнительных показателей. В обоих диалектах может оформлять обороты с глагольными именами в качестве ядра: южн. *räftän bä'dä* 'после ухода', сев. *zakuske soxte be'do* 'сделав закуску'.

Южн. *bašqa*, сев. *bašxa* 'кроме' (< азерб. *başqa*). Употребляется в сочетании с предлогом южн. *ä*, *äz*, сев. *ez*: южн. *ä bigar tÿ bašqa* 'кроме твоего брата'; сев. *ez xunde bašxa* 'кроме чтения'.

Южн. *kimi* 'наподобие, как, вроде' (азерб. *kimi*): *heivan kimi* 'как животное'; *tÿ kimi* 'как ты' (ср. *aqâdä*, *aqâstä*). В инфинитивных оборотах имеет значение 'как только': *däsmälä dirän kimi* 'как только увидел(а) платок'; ср. аналогичное употребление азерб. послелога *kimi* в оборотах с глагольными именами.

Южн. *gÿgä* 'ради, для' (< азерб. *кәрә*). Употребляется в сочетании с предлогом *bä*, реже *ä/äz*: *bä kuk män gÿgä* 'ради моего сына'. В инфинитивных оборотах имеет, аналогично тюркскому прототипу, значение 'потому что'.

Сев. *girde* 'начиная с, у'. Употребляется в сочетании с предлогом *ez*: *ez yekšobot girde* 'начиная с воскресенья'; *ez aili girde* 'с детства'.

Сев. *beqey* 'кроме' (< **ba* *γaγ*, ср. араб.-перс. *ba γaγ* 'кроме'). Употребляется в сочетании с предлогом *ez*: *ez tÿ beqey* 'кроме тебя'.

Сев. *neylo* 'после': *tÿ raxte neylo* 'после твоего ухода'.

Сев. *ovlo* 'после': *e xune vogošten-ki ovlo* 'после возвращения домой'.

Сев. *saylÿ* 'кроме' (с предлогом *ez*): *ez me saylÿ* 'кроме меня'.

О функциях послелогов *-de*, *-ki* см. выше.

СОЮЗЫ

По своей структуре союзы могут быть первичными (т. е. непроизводными) и вторичными, образованными от других частей речи (преимущественно местоимений и наречий); в последнем случае они могут быть простыми, т. е. представлять собой то или иное местоимение или наречие, употребляемое в качестве союза, или составными, т. е. состоять из двух или более частей, причем одной из этих частей обычно является тот или иной первичный союз.

По синтаксическим функциям все союзы можно разделить на сочинительные и подчинительные: произвести более детальную классификацию внутри каждой из этих двух групп в силу многозначности и полифункциональности значительной части союзов не представляется возможным.

Сочинительные союзы

Часть сочинительных союзов употребляется только для соединения отдельных частей сложносочиненного предложения, другая часть применяется также и при однородных членах предложения. К числу первых относятся энклитический союз южн., сев. -iš, *-ič, ср. ср.-перс. -ič 'но, и, а, хоть'; союзы южн. amṭa, сев. omṭo (< араб. amṭā); южн. ānṭōq, сев. anṭaq (< азерб. анчаг) 'но, только, однако'; энклитический союз южн. -isā (< азерб. исә) 'а, что касается'; составной союз южн. yāk-iš ki 'к тому же'. Ко второй группе можно отнести союзы: южн. yāk-iš 'и'; южн. -iš. . . -iš 'и. . . и' (ср. кл. перс. ham. . . ham); южн. ya, составные ya xud, ya nist ki (в последних двух случаях соответственно сочетания союза с заимствованным из кл. перс. возвратным местоимением xud и с отрицательной формой связки; во втором случае, вероятно, также имеет место заимствование из кл. перс.) 'или' (ср. кл. перс. yā < *ayār, yā xud); южн. yoxsa (< азерб. јохса) 'или'; составной южн. xištān-iš 'причем, при этом' (возвратное местоимение-союз -iš); южн. nā. . . nā, сев. ne. . . ne 'ни. . . ни'; сев. ve 'и' (ср. кл. перс. va); сев. goh. . . goh 'то. . . то' (ср. кл. перс. gāh. . . gāh); составной сев. ne buge (отрицательная форма простого прошедшего глагола bigān + энклитический подчинительный союз -gā, см. ниже).

Подчинительные союзы

Вводят различные типы придаточных предложений: южн., сев. ki, ср. кл. перс. ki; определительные и дополнительные — южн., сев. ču < *čē, ср. ср.-перс. če, кл. перс. čī; определительные — южн. komin ki, komun ki, сев. komiki 'который'; условные — южн. aḡaḡ, сев. eḡeḡ < *haḡaḡ 'если', ср. кл. перс. aḡaḡ, ср.-перс. haḡaḡ; обстоятельственные времени — южн. kei, hāḡ kei, сев. keu, keu ki 'когда', ср. кл. перс. вопросительное местоимение kau; обстоятельственные причины — южн., сев. čünki 'так как, потому что', ср. кл. перс. čun ki; составной южн. boḡ ḡyḡā, сев. unegyḡe 'поэтому' (в обеих формах во второй части тюркский послелог *кәрә*); южн. čān ḡādā (ki) 'сколько ни', ср. араб.-перс. čand qadr ki; южн. boḡ vāxt ki 'в то время как', ср. кл. перс. ba ān vaxt ki; южн. hā čini ki 'как только'; южн. bāri ki 'для того, чтобы', ср. кл. перс. barāyi īn ki.

Специфичными для северного диалекта являются энклитический союз -ge (< *gah, ср. кл. перс. gāh 'время'), вводящий временные придаточные предложения и инфинитивные обороты с временным значением 'когда' (ср. омонимичную, но, возможно, этимологически отличающуюся частицу сев. -ge, см. выше), а также суффиксальный союз -ho (омонимичный окончанию мн. ч.), вводящий придаточные определительные: . . . onorho-š do e des čikle duxterle, e posoy xundeguhō ḡeštenbuho. . . 'а гранаты дала

в руки маленькой девочки, которая ходила с приглашающими'; *türe zendebiho dede* 'которая тебя родила'; *onogdorho vebütÿtho e heyot* 'гранатовые деревья, которые растут во дворе'.

ЧАСТИЦЫ

Звательные: препозитивные южн. *way/ay*, *a/ä*, сев. *e*, *ye*, *ya*, *hoç*; южн. постпозитивная частица *ei* (при усилении — с одновременным употреблением частицы *way/ay*: *way Hamza-i ei* 'эй, Хамза!'); южн. *adä / ädä*, *axtä / äxtä* (< **a gädä* и < **a duxtä*) употребляются соответственно по отношению к мальчику и девочке, последняя также как обращение мужа к жене.

Эмоциональные и модальные: южн. *bälkäm*, сев. *belkem* 'может быть' (< араб.-перс. *balki*): южн. *in äs äz in nist*, *bälkäm* 'может быть, это не его лошадь'; южн. *äxi(m)*, сев. *axir* 'ведь, же, в конце концов': южн. *imu bigar-in äxim* 'мы ведь братья'; южн. *dä*, *diyese*, сев. *diye* 'вот, да, же, еще, к тому же' (< **digar*, ср. кл. перс. частицу *digar*), в южном диалекте, по-видимому, контактирована с азербайджанской эмоциональной частицей *ə*: южн. *çü bäsäxtäni? dârz äbâstänüm-diyä* 'что ты делаешь? — да вот, снопы вяжу'; южн. *dä näbâstän bürym*, *çü sam* 'я не знал, что мне еще делать'; южн. *ya* — приглагольная препозитивная частица 'а ну, а ну-ка': *ya gârd inä beivarä-gä* 'ну-ка, поверни его в другую сторону'; южн. *-miş* — приглагольная частица, употребляемая при передаче с чужих слов, 'говорят, что, мол, дескать' (< азерб. аффикс пересказательного наклонения *-миш*, *-имиш*): южн. *ÿ xištän-i Bakuuyij bigei miš* 'он сам, говорят, бакинец'; южн. *-lä*, сев. *-le* — суффиксальная частица, присоединяющаяся к именным частям речи и глаголам в высказывании, носящем шутливо-ласкательный характер: южн. *vay-vay-vay! mänläyä yäk bou çulei tÿ janlei män nistÿlä* 'ай-ай-ай! у меня от одного удара твоей палочкой душа вон!' (из детской сказки); южн. *bägäm*, сев. *begem* 'разве'.

Только в северном диалекте употребительны частицы *aña* 'вот', *he* 'вот как', *vogî-vogî* 'смотри-ка', *egi* 'ну-ка', *eie* 'ну', *gi* 'на-ка'. Широко распространена также суффиксальная модальная частица *-ge* (< **agar?* ср. омонимичный союз) 'же, ведь': сев. *belki işmu nise danÿstenit-ge*, *Rehmon ne Xumor... yekire soymis soxdet?* 'может быть, вы не знаете, что Рахмон и Хумор понравились друг другу?'. Сочетание этой частицы с союзом *çü* имеет значение 'как, как только ни, что бы ни': *engliçonho omogen-ge*, *çü gužho soxte bÿtÿt-ge e kosib-kosub* 'когда пришли англичане, как только они ни издевались над бедняками...'

Вопросительные: южн., сев. *hiç* < **heç*, ср. кл. перс. *hiç* (функционирует также как отрицательное местоимение): южн. *hiç kutigi?* 'сказала ли ты (что-нибудь)?'; южн. *bâşÿm* (застывшая форма 1 л. ед. ч. аориста глагола *bigän* 'быть', ср. форму прошедшего предположительного северного диалекта) употребляется в вопросительных предложениях как с вопросительным, так и без вопросительным,

тельного слова: *känd soveti tâft bâšüm?* 'председатель колхоза уехал?'; южн. *diyāsān, gŷrāsān* (< азерб. *diyāsān, kərāsān*) идентичны по употреблению частице *bâšüm*: южн. *mī* (азерб. *mi*) употребляется в части говоров в вопросительных предложениях без вопросительного слова: *bāraftāni mī?* 'ты идешь?'

Утвердительные: южн. *hāri*, сев. *eri* 'да' (ср. кл. перс. *āri*); южн. *he* 'да'; южн. *boš-gu* 'ладно' (*bošŷ-gu* — аорист 3 л. ед. ч. глагола *biŷān* 'быть').

Отрицательные южн. *nā*, сев. *ne*, *na* 'а, нет' (ср. кл. перс. *na*).

Указательно-ограничительные: южн. *hā*, сев. *he* 'вот, как раз, только' — употребляются чаще всего в сочетании с указательными местоимениями, а также с наречиями (см. выше).

Особую группу внутри разряда частиц образуют междометия, особенно многочисленные в северном диалекте: сев. *ax, vaŷ* 'ах! ох!'; *oho!* 'ого!'; *ayī* 'вот как!'; *vir! gim!* 'прочь!'; *gi!* 'на!'; *keš!* 'живо!' и ряд других.

ЛЕКСИКА

Ядро татской лексики составляют исконно иранские слова: простые глаголы, многие названия животных, растений, обозначения простейших географических и астрономических понятий, основные термины родства, названия частей тела. Иранской же является в южном диалекте терминология некоторых ремесел, например ковроткацкого [Грюнберг 1962₂].

Тюркские слова — количественно наиболее значительный слой иноязычных заимствований, причем источник их несколько различен в южном и северном диалектах. В северном диалекте это преимущественно кумыкский, отчасти также азербайджанский и балкарский языки, в южном — исключительно азербайджанский.

Процесс заимствования азербайджанских слов в южном диалекте отличается определенным своеобразием, что связано с широким распространением активного азербайджанско-татского двуязычия. В этих условиях почти любое слово азербайджанского языка может быть употреблено в татской речи. Результаты активного двуязычия сказываются в глубоком проникновении азербайджанских элементов в различные морфологические разряды слов и в сосуществовании в ряде случаев в диалекте параллельных (тюркских и иранских) обозначений для одних и тех же понятий: южн. *xārguš/doušan* 'заяц' (сев. *xarequš*); южн. *tuvi/tylki* 'лисица'; южн. *tou dārān/aldatmiš sāxtān* 'обманывать'. В обоих диалектах тюркские заимствования проникают в семантические разряды, охарактеризованные выше как в основном иранские, вытесняя во многих случаях соответствующие иранские слова: южн. *qeyinata* 'тесть, свекор'; южн., сев. *yara* 'рана'; южн., сев. *bulut* 'туча'; южн. *daq*, сев. *doq* 'гора'. Хотя в целом тюркской лексики в южном диалекте больше, чем в северном, имеется ряд заимство-

ваний, специфичных для северного диалекта: *yaqlovo* 'сковорода', *qiskaç* 'щипцы', *kazan* 'котел', *yovluq* 'носовой платок', *buуиuq* 'приказ', *yošov* 'житье-бытье', *tütüп* 'дым' и т. п.

Арабских слов в татском языке очень много, особенно в южном диалекте, у татов-мусульман. Часть арабизмов заимствована через посредство тюркских языков, другая — через посредство персидского. В южном диалекте, возможно, имело место и непосредственное заимствование из арабского, языка богослужения, права и школы. Заимствованные арабские слова в татском более или менее четко выделяются по значению. Как правило, это либо слова с отвлеченным значением, либо термины религии и слова так или иначе связанные с мусульманской культурой: южн. *jäpnät*, сев. *jennet* 'рай'; южн. *bägakät*, сев. *bereket* 'благодать'; южн. *mäzâr* 'гробница'; южн. *qismät*, сев. *qismet* 'судьба'; южн. *gähmät*, сев. *gahmet* 'милость' и т. п.

Татский словарь, несомненно, включает в себя большое количество персидских слов. Их заимствование могло происходить непосредственно в разное время, поскольку таты на протяжении сотен лет находились в контакте с персидской языковой средой. Другая часть таких слов заимствована через посредство тюркских языков. Однако поскольку этимологически родственные слова имеют в большинстве случаев в обоих языках — персидском и татском — сходный фонетический облик (см. раздел «Исторические соответствия»), то выделить персидские заимствования в татской лексике представляется делом весьма затруднительным. Лишь об одном очень небольшом количестве иранских слов мы можем с уверенностью говорить как о персидских заимствованиях. В частности, это слова с поствокальным *d* (в исконно татских словах ему соответствует *г*), например: южн. *piyâdâ* 'пеший' (ср. *peigâ* с тем же значением), южн. *xudâ* 'бог', южн. *jâdu* 'колдовство' и некоторые другие.

В лексике северного диалекта четко выделяется слой древнееврейских слов, связанных с иудейской религией и религиозным бытом. Это такие слова, как *malaxemovit* 'ангел смерти', *mile* 'обрезание', *mixilo* 'прощение', *mi'id* 'праздник', *moze* 'свиток Торы', *novi* 'пророк', *sadan* 'сатана', *šobot* 'суббота', *šolum* 'привет' и т. п., а также названия месяцев: *tišre*, *xešvon*, *kislev*, *teyves*, *švat*, *ador*, *nisan*, *iyar*, *sivan*, *tamuz*, *av*, *elul*.

Русские слова заимствуются как непосредственно (в северном диалекте), так и через посредство азербайджанского (в южном диалекте). Это слова, связанные с новым бытом, культурой, с колхозным строем и советской властью: южн. *qamsamol*, сев. *komsamol*; южн. *mâlâtinkä*, сев. *molotilka* 'молотилка'; южн. *poуiz*, сев. *poiz* 'поезд'; южн. *bâlniskä*, сев. *bolnise* 'больница'; южн. *ispâlkom*, сев. *ispolkom* 'исполком'; южн. *sävquz*, сев. *sovхоз* 'совхоз' и т. п.

В обоих диалектах имеется довольно обширный пласт лексики, которая не может быть отнесена ни к одному из вышперечисленных разрядов заимствований и пока не имеет каких-либо этимоло-

гий. Исследование этой лексики представляет значительный интерес, в частности потому, что позволит возможно больше узнать об исторических контактах татов с другими народами Кавказа.

Татскую лексику характеризует относительно небольшое количество абстрактных существительных, обозначений отвлеченных качеств, особенно в южном диалекте, где отсутствует письменность. Как уже указывалось, в этом семантическом разряде значительную часть составляют заимствования из арабского языка. В татском языке мало синонимов, что связано с географической и социальной ограниченностью сферы функционирования его обоих диалектов. Вместе с тем в южном диалекте имеется детализованная терминология скотоводства (в значительной степени заимствована из азербайджанского), многочисленны названия утвари и посуды, названия диких животных и растений. В обоих диалектах наблюдается тенденция к расширению лексики за счет непосредственного (северный диалект) или опосредованного, через азербайджанский язык (южный диалект), заимствования русских и интернациональных слов общественно-политической, технической, бытовой терминологии; вместе с тем постепенно отмирает тот слой арабско-персидской, в северном диалекте также древнееврейской лексики, которая связана с религией и религиозным бытом, со старыми социальными отношениями. Так, в современном татском языке такие слова, как южн. *hālâl*, сев. *xalol* 'ритуально дозволенное', южн. *sādākā*, сев. *sadaqa* 'ритуальная милостыня', южн. *kāšis*, *kešis* 'священник, монах', сев. *memigiz* 'незаконнорожденный', сев. *gid* 'бракоразводное письмо', сев. *gennadim* 'рай' и им подобные, превратились в архаизмы.